

18+

Алла Кречмер

Зарево

Алла Кречмер Зарево

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50761550

ISBN 9785449822253

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После окончания гимназии Петр поступает в университет. Собирается стать инженером. Первая мировая война, затем революция и Гражданская война ломают его планы. Любовь и предательство, вероломство друзей встречаются на его пути, но доброта и прямой характер помогают ему все преодолеть.

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	67
Глава 13	71
Глава 14	78
Глава 15	86
Глава 16	92
Глава 17	100
Глава 18	105
Глава 19	111
Глава 20	117
Глава 21	123
Глава 22	130

Глава 23	135
Глава 24	141
Глава 25	149
Глава 26	156
Глава 27	161
Глава 28	167
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Зарево

Алла Кречмер

© Алла Кречмер, 2020

ISBN 978-5-4498-2225-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алона Китта «Зарево»

Роман

Часть 1

Глава 1

1913 год. Российская империя. Псковская губерния. Деревня Боровицы.

– ...и он закончил гимназию с золотой медалью, – шепнула девочка подружке. – Папенька обрадовался и сказал: «Петя, ты первый в нашей семье получил аттестат – не останавливайся, учись дальше». Сказал, поможет деньгами.

– Ну, ваш Петя умный – куда там другим деревенским! – отозвалась вторая девочка. – Может, выучится на доктора.

– На доктора он не хочет. Хочет на инженера.

– Инженера? А что это такое?

Девочка задумалась:

– Ну, помнишь, железнодорожный мост строили в Бакаче? А на бумаге рисовал инженер.

– Жалко, уедет ваш Петя.

Где-то вдали послышались переливы гармошки.

– Тань, это у вас гуляют? – спросила вторая девочка, которую звали Машей.

– Ага. Петьку провожаем в столицу. И Матюша Волунов едет вместе с ним. Хочешь, пойдем, посмотрим.

Машу не надо было долго упрашивать: она вскочила и побежала вслед за подружкой.

Августовский вечер клонился к закату. Небо из розово-сиреневого стало красным; заря разлилась до самого горизонта, а солнце уже готовилось нырнуть в холодные глубины реки.

Дневная жара сменилась влажной вечерней прохладой. Траву покрыла студеная роса. Коровы вернулись домой из стада, однако рачительные хозяйки не спешили загонять в хлев буренку. И корова, и теленок, и овца – старица с семейством паслись возле дома, угощаясь выросшей после укуса свежей травой – кажется, в этих местах ее называют отавой.

В четвертом от края доме, где проживала семья Ивана Силина, сегодня отмечали окончание гимназии старшим сыном Петром в Твери и отбытие его в Санкт-Петербург. Собрались родные и соседи: столы были накрыты в саду под яблонями, и розовая ранетка уже падала прямо в угощение. Хозяин дома сидел во главе стола, почти не вставая, и вел бесконечные разговоры с мужиками о видах на урожай, ценах на лен и о том, кем станет Петя, когда закончит университет.

Хозяйка дома Ксения, мать Петра, нарядилась по случаю праздника в атласное платье и шаль, расписанную алыми розами. Она сновала, словно челнок, из кухни к гостям, заботясь о том, чтобы хватило и напитков, и закусок. Она уже перешагнула сорокалетний рубеж, но в ее черных, как воро-

ново крыло, волосах, не было видно ни сединки, и двигалась она легко, словно танцовщица.

Иногда она посылала потаенные взгляды мужу, и он замирал на полуслове, но потом, найдя нить беседы, возвращался к разговору, продолжая следить глазами за женой.

О чем он думал в тот момент? Может быть, о том, как много лет назад получил в наследство землю в Боровицах? Как в одиночку пахал поле, не имея денег нанять батраков? И как увидел бедную сироту Ксюшу, которая брела через поле в соседнюю деревню – на ней была кофточка из пестрого ситца и сатиновая юбка, а голову покрывал белый платок.

Он вспомнил, как ходил по вечерам на посиделки и игрища в надежде встретить девушку, запавшую ему в душу, как объяснился с ней майской белой ночью, и Ксюша призналась, что давно обратила внимание на приезжего, но боялась поверить в то, что он заинтересован в бесприданнице.

Они обвенчались в местной церкви, несмотря на сопротивление родных Ивана, и он поклялся в душе, что его любимая Ксюша и дети никогда не будут знать нужды.

И все получилось так, как предполагал Иван: он занялся торговлей льном и вскоре преуспел, нажив солидный капитал. Он построил дом – лучший в Боровицах, и вскоре в нем зазвучали счастливые детские голоса.

Материнство сделало Ксюшу еще красивее, и Иван ничего не жалел для своей половины. Дорогие шали, салопы, платья из шелка и бархата – все это он привозил из губернского го-

рода или из столицы. А для того, чтобы не огрубели ее руки от непосильной работы, он нанял кухарку. Вот и сейчас кухарка хлопотала у плиты, а ее дочь Глаша помогала ей.

Гармонист Коля уже устал играть и, отложив гармонь, присел к столу – Глаша как раз внесла большое блюдо жареной рыбы.

– Ну, Иван Михайлович, угодил. – похвалил рыбу сосед Пронин, заядлый рыбак. – Сам ловил или помогал кто?

– Сам, – протянул Иван. – Петя помогал. А кстати, где Петя?

Он оглянулся по сторонам и вопросительно посмотрел на Ксению.

– Не волнуйся, отец, молодежь с нами не сидит. Они больше кусочничают: похватывают куски – и плясать! – успокоила его жена. И тут же, всплеснув руками, посетовала. – Для кого столько наготовили? И дети убежали играть.

Она скосила взгляд в сторону, где возле бани бегали наперегонки местные ребята во главе с младшим сыном Ивана – девятилетним Васькой.

– Не волнуйся, мать, проголодаются – придут, – заключил Иван и обратился к мужикам. – А не выпить ли нам по малой?

Глава 2

Если бы Иван заглянул туда, где веселилась молодежная компания, а Ксения проследовала бы на кухню, то они обнаружили бы, что Петр и Глаша отсутствуют. Не думаю, что это обстоятельство обрадовало бы строгих родителей, и Петру пришлось бы краснеть, объясняясь с отцом.

Впрочем, это Глаша вызвала Петра поговорить, и он явился в назначенное место – под ясень у пчельника. Петр, невысокий юноша со светлыми глазами и пшенично-русыми волосами, подошел к пчельнику и огляделся. Глаши не было, и он подумал, что она посмеялась над ним как всегда смеялась – ведь они росли вместе, и Петя относился к Глаше так же, как к родным сестрам – Пане, Нюре, Любе и Танюше.

Он вспомнил появление у них кухарки Лизаветы – вдовы из Гнилиц, маленькой деревушки, утопающей в цветущих садах весной. Она стояла в сенях, склонив голову, а из-за ее спины выглядывала запуганная девочка, ровесница Петру. Лизавета поминутно кланялась и теребила в руках узелок с бельем.

Как получилось, что Лизавета лишилась всего, даже носильных вещей, он не помнил – что-то было сказано на ухо матери, но мать ничего никому не объяснила – наверное, только отцу.

Глаша поселилась в каморке, выделенной матерью для

прислуги. Сначала она дичилась хозяйских детей, а потом лед растаял, а совместные игры сблизили, и скоро приходящие к Силиным посетители не различали, кто есть кто.

Иван Силин разбогател на продаже льна и, перейдя в купеческое сословие, вознамерился дать хорошее образование старшему сыну. Младший пока еще лежал в пеленках, а учить дочерей было не принято – читать-считать умеют – и хватит с них! Все равно замуж выйдут – зачем им образование?

Десятилетним Петя уехал из родного дома в Псков. Он успешно сдал экзамены в гимназию и был принят, а как иногородний, получил место в пансионе. Учился он легко и с удовольствием – все каникулы проводил дома, помогая отцу вести хозяйство.

Глаша радовалась каждому его приезду, но сначала ее радость была связана с тем, что Петя придумывал и заводил какую-нибудь игру, а потом...

Постепенно он стал замечать изменения в отношении Глаши к нему – она перестала интересоваться играми, а скорее им самим. Она бросала на него странные взгляды, задевала то плечом, то бедром – извинялась и со смехом убегала. Даже смех Глаши изменился – из нежного, как звон колокольчика, он вдруг превратился в хриплый и зазывный.

Удивившись этому, Петя попристальнее взглянул на подругу детства – и что же? Вместо нескладной девочки с тонкими косичками, похожими на мышьи хвосты, перед ним

предстала юная красавица с атласной кожей, черными волосами и пронзительными синими глазами.

Он мог бы влюбиться в эту новую Глашу, если бы не рос рядом с ней. К тому же при всей внешней привлекательности внутренний мир ее был настолько примитивен, что Петя с трудом находил темы для разговоров.

Сегодня, пробегая мимо с чугуном картошки в руках, дочь кухарки незаметно шепнула ему на ухо, чтобы он приходил к пчельнику.

И вот он здесь торчит, как дурак, уже четверть часа!

Петр хотел уйти, не дождавись Глаши, как вдруг крепкая девичья рука обняла его за шею и силой притянула за угол избушки.

– Глаша, ты? – спросил он, но Глаша вместо ответа впилась в его губы страстным поцелуем.

Захваченный врасплох, Петр сумел осознать, что названная сестра целует его вовсе не по-сестрински, что за этим стоит нечто большее, и, возможно, он был бы рад испытать подобное, но... с другой.

А она ввинтилась ужом в его объятия и не собиралась вырываться из его сильных рук, а напротив – задевала то рукой, то грудью, пока Петр не оттолкнул ее.

Удивление на лице Глаши сменилось жестким выражением.

– Ты что, с ума спятила? – прикрикнул Петр. – Целоваться еще лезет.

Глаша плавно повела плечами и бедрами, словно вылизывающаяся кошка.

– Я тебе не глянусь, Петенька? -спросила она

– Нет, – рявкнул он. – Я этого от тебя не ожидал, Глаша. По-моему, ни я, ни мои родители никогда к тебе плохо не относились.

Она снова попыталась его обнять, но юноша отодвинул ее ладони с брезгливым выражением лица.

– Я уезжаю, Глаша – зачем тебе лишняя головная боль? – спросил он примирительно. – Нет здесь моей судьбы, понимаешь?

Она все понимала и ругала себя за опрометчивость, но как же сильно тянуло ее к хозяйскому сыну, что Глаша решила ласками завлечь его. И Петр, ее ненаглядный Петенька, повел себя так, как она и предполагала.

– Уедешь? – прошипела она по-кошачьи. – Но, Петенька, желанный ты мой, ведь никто ничего не узнает. Ну?

– Эх, Глаша, да разве дело в этом, узнают или нет. Не подходим мы друг другу, понятно?

– Конечно, тебе культурная нужна, а я вот дура деревенская.

Глаша сузила глаза, и они превратились в маленькие щелочки – вероятно, таким образом она хотела показать хозяйскому сынку свое полное презрение.

– Понимай, как хочешь, – устало махнул рукой Петр, ко-

торому уже надоела эта сцена.

Он резко развернулся и пошел обратно к накрытым столам.

Глаша стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как место былой симпатии занимает ненависть.

– Ну и отомщу же я тебе, Петр. – прошептала она.

Глава 3

А веселые друзья заждались Петра: они сидели на завалинке и задевали проходящих мимо девушек. Задевали неизбежно, тем более подруги могли дать словесный отпор, да такой, что над незадачливым кавалером потом потешалась бы вся деревня. Ради Петра парни принарядились – они щеголяли в косоворотках и новых пиджаках, а кое-кто поминутно доставал из бокового кармана часы на цепочке – местный высший шик. Время шло, стрелки часов неотступно двигались вперед, Ксения уже несколько раз позвала их вечерять, а виновник торжества куда-то запропастился.

Петя прибежал незадолго до ужина, и все сразу поинтересовались, где он пропадал.

– Обегал все вокруг, прощался с родными местами, – то-ропливо объяснил он и покосился на калитку, из которой как раз в этот момент выходила зареванная Глаша. Никто из приятелей не обратил на нее внимания, лишь Матюша Волунов задержал взгляд на расстроенном лице девушки.

– А мы срезали подсолнух у Прониных, – сказал Гриша Амелин. – Вернее, бабка сама предложила.

Гриша выглядел довольным – а почему бы нет? Петька Силин уезжает, а без него верховодить среди друзей станет он. Пусть он не такой образованный, но никто лучше Гриши не умеет драться. Ну теперь держись, округа! Давно он соби-

рался помахаться с глебовскими парнями, а то повадились ловить рыбу в излучинах возле Боровиц. Да и Сашке из Бакача неплохо бы вломить, чтобы не задавался!

Свои наполеоновские планы он держал при себе до отъезда главного соперника. Вот и Матюша едет с ним: Петя в университет, а Матюша в реальное – хочет стать путейцем. Конечно, Волуновы не такие зажиточные, как Силины – можно сказать, совсем наоборот, да и характером Матюша слабоват, но, глядишь, и устроится в столице не хуже других.

С крыльца дома их уже в который раз позвала Ксения:
– Петя, где вы там? Зови ребят ужинать!

Для парней накрыли отдельный стол – в настоящее время его называли бы шведским, а тогда, в начале двадцатого века, никто не морочил голову и не раздумывал над терминологией, благо есть что выставить для гостей.

Стол, как говорится, ломился от яств: блины, пироги, жареная рыба, соленья, сало и домашняя колбаса. И кадушка кваса стояла тут же – квас был темно-коричневый, на меду, похожий на пиво.

За соседним столом Иван и другие мужики угощались неторопливо. Глаша подносила новые и новые кушанья, а в конце трапезы подала кувшин с яблочным компотом.

Матюша следил, как она снует между кухней и накрытыми столами: слезы на ее лице давно высохли, девушка улыбалась, а ощутив на себе его взгляд, приветливо спросила:

– Компотику принести?

Матюша жадно сглотнул и кивнул.

– Пойдем на кухню, – предложила она. – Я дам тебе кринку, только носи осторожно, а то, не дай Бог, хозяйка увидит.

Матюша знал, что мама Петра не будет ругаться, но поспешил вслед за девушкой. Он подождал в сенях, пока Глаша вынесет кринку.

В доме то и дело хлопали двери, это входили и выходили гости и хозяйева, а оставшиеся без присмотра дети бегали наперегонки. Во дворе батрачка доила корову, и было слышно, как тяжелые струи молока падают в подойник.

Из кухни доносились голоса – это кухарка о чем-то спорила с дочерью. Наконец, Глаша выскочила в сени, пряча под фартуком кринку. Обтерев запотевшие бока, она сунула кринку Матюше.

– Возьми, это вам с Петей, – его любимый, из яблок и брусники.

Матюша вернулся и застал компанию сытыми и умиротворенными. Парни расселись в беседке, сооруженной Иваном Силиным и бывшей точной копией беседки из сада глебовского барина. Ватага лениво переговаривалась, и тут Матюша заметил, что Петр больше отмалчивается, а тон задает Гриша Амелин. Неужели Гришке не терпится закрепить себя в роли первого парня на деревне еще до того, как Петр уедет? Если так, то Амелин непроходимо туп.

И тут он понял, что Петр расстроен чем-то и не обращает внимание ни на Гришку, ни на остальных. Острая игла рев-

ности кольнула его: он вспомнил, что Глаша шла из огорода с заплаканными глазами, а Петр опоздал на встречу.

– «Не может быть! – размышлял он. – По некоторым признакам было видно, что Глаша сохнет по Петру, но разве Силины допустили бы, чтобы их сын связался с кухаркиной дочерью?»

– Ребята, может, пойдем на реку, искупаемся? – предложил кто-то.

– Нельзя, – ответил Петр. – Ильин день давно прошел.

По местным поверьям, купаться после Ильина дня было запрещено из-за студеной воды.

– Тогда пойдем гулять на «пяточок»!

«Пяточком» называлась площадка возле часовни, где обычно происходили деревенские ярмарки. Петя махнул рукой, что можно было расценить, как «идите, если хотите».

– Без тебя не пойдем, – настаивали друзья, и даже Гриша Амелин пустился в уговоры.

– Петь, а, может, ты компотику хочешь на дорожку? – предложил Матюша. – Глаша передала нам с тобой.

– Передала, так и пей сам, – отозвался Петр неожиданно сердитым голосом и торопливо крикнул Грише Амелину, – Пойдемте, ребята. Может, не придется больше вместе гулять. Погодите, надо отца предупредить, что я буду поздно.

Он отошел к Ивану, а ребята ожидали его в воротах. Матюша же умиленным взглядом посматривал на кринку.

– Петька не хочет, а я выпью, – решил он. – В конце концов Глаша угостила нас двоих.

Компот был сладкий и прохладный, очевидно, из погреба. Он не успел еще согреться на воздухе и приятно освежал. Но не успел Матюша сделать несколько глотков, как Петр позвал их за собой, и он наскоро вытер губы и поспешил вслед за остальными.

На «пяточке» начинались ежевечерние посиделки, происходящие, как правило, в хорошую погоду. Мужики и бабы расселись на сваленных в кучу бревнах, приобретенных для постройки школы, девушки толпились поодаль, а парни приближались к ним, занимая всю улицу в ширину. Гармошки не было – Колька играл у Силиных, и из музыки присутствовала лишь балалайка деда Пронина.

Парни фланировали туда-сюда, делая вид, что им нет дела до девушек, а те хихикали, прикрываясь рукавами, и томно отводили глаза.

Обе стороны понимали, что это всего -навсего игра, что скоро парням надоест изучать знакомую с детства улицу, и они подойдут к девчатам, придумав предлог для непридуманной беседы.

Но это будет не сразу – надо же показать деревенскому обществу и часы, и пиджаки, и молодецкую удаль.

С удалью на этот раз дело обстояло плохо: Матюша Волунов шел не в ногу и все время спотыкался, натываясь на ко-

мья сухой земли и торчавшие камни. Он был бледен, а ладонь, которой коснулся Петр, стала влажной, и по лбу паренька текли капли пота.

– Матюша, что с тобой? – испугался Петр, отводя товарища в сторону.

– Не знаю, – ответил тот. – Что-то мне нехорошо, голова закружилась.

Теперь уже и остальные окружили их.

– Что с ним? – спросил Гриша.

– Не знаю. Говорит, что голова кружится, – ответил Петр и снова поразился перемене в облике Матюши – такой белизны в лице он никогда не видел.

– Мотя, ты пил что-нибудь? Водку? – выкрикнул Гриша.

– Гриш, да ты что! Там же мой отец был, да и остальные мужики – кто ж позволит? Никто не хочет отцовского ремня. Да и не пахнет от него.

– Я ничего не пил, – подтвердил Матюша, еле ворочая языком. – Только компот из кринки.

– Какой компот? Мы пили квас! – удивился Гриша.

– Да это Глаша ему налила в кринку, – добавил Петр.

Между тем состояние Матюши ухудшалось на глазах, и уже взрослые подошли узнать, что случилось. Узнав о беде с Матюшей, сосед Волуновых предложил отвезти его в больницу, расположенную в километре от Боровиц в соседнем селе.

Не прошло и пяти минут, а он уже вывел со двора запряженную в телегу гнедую лошадь, и парни осторожно помогли Матюше залезть наверх.

– Кто поедет с ним к доктору? – спросил сосед.

– Да все мы, – растерянно переглянулись парни.

– Ну да, как же, ждут вас там всех, – возразили подбежавшие девчата. – Да и как вы поместитесь в телеге? Пойдемте лучше пешком, а еще надо рассказать его матери.

– Что ж, пойдемте, – согласился сосед.

Он дернул за удила, и вздремнувшая ненароком кобыла дернулась и потащила за собой телегу. Молодежь двинулась сзади, разбившись на парочки.

Петр шел один, поглядывая на бледного Матюшу и периодически пожимая ему влажную ладонь.

Товарищи, занятые разговорами, более интересовались красивыми спутницами, чем занедужившим приятелем, и Петя подумал, что их поход скорее напоминает ярмарочное гуляние.

Глава 4

Петя ехал в столицу ночным поездом: на утренний он не успел из-за досадного происшествия с Матюшей, которое имело продолжение.

В земской больнице пострадавшему промыли желудок и ввели камфору. Он почувствовал себя лучше и вскоре уснул. Доктор, производивший осмотр и лечение, вышел на крыльцо, чтобы сообщить тем, кто привез Матюшу, о его состоянии, а заодно заявил, что о подобных случаях он обязан докладывать уряднику.

– О каких это случаях? Что Вы имеете в виду? – насторожился Петр, подозревая неладное.

– Отравился ваш приятель, – доложил доктор, подтвердив тем самым смутные догадки Петра, которые он пока еще боялся произнести вслух, – Или отравили, потому что ни один человек в здравой памяти не станет употреблять в пищу крысиный яд.

Домой вернулись расстроенные, Петя поспешил домой, чтобы рассказать отцу о случившемся, но родители уже спали. А утром его разбудил шум в коридоре – казалось, там проводит учения полк солдат. Петр оделся и вышел из своей комнаты, чтобы узнать о причине шума, и первый, кого он встретил, был урядник, а с ним еще несколько полицейских чинов из уезда.

Отец и мать находились тут же и смотрели на кухарку и ее дочь. Лизавета плакала, а Глаша, одетая в строгое серое платье, стояла неподвижно. Лицо ее казалось безучастным, но Петр понял, что это всего лишь маска: в глубине синих глаз прятался испуг.

Он хотел спросить, что произошло, но в это время заметил наручники на тонких запястьях девушки. Петр растерялся. И снова вчерашняя догадка обожгла его.

– А что случилось? – все-таки спросил он, обращаясь к отцу.

В голове юноши спросонья все перемешалось – отравленный Матюша, Глаша с ее поцелуями, странные слова доктора, а тут еще и полицейские

В какой-то момент Петру показалось, что он ошибся, и это вовсе не наручники, а модные браслеты, и урядник сейчас развеет его сомнения, но отец благоразумно заметил:

– Ты, Петруша, отошел бы в сторонку и не мешал господину уряднику делать свое дело. Забирают нашу Глашу за убийство. Говорят, Матвея Волунова хотела отравить.

– Да не хотела она, Иван Михайлович! – рыдала Лизавета, хватая его за рукав. – Не погубите, заступитесь за мою кровиночку, ведь верой и правдой служили вам.

Ксения, которой не понравилось ее хватание, встала между ней и мужем.

Урядник же глубокомысленно заметил:

– Вы, мамаша, на суде это будете говорить. Как же не хоте-

ла, коли она туда крысиный яд положила. Смотрели бы лучше за дочкой, мамаша. Ей дорога в тюрьму, а мне тоже беспокойство - сколько протоколов надо написать.

– Глашенька, детка, скажи что-нибудь, – упрашивала мать. – Скажи, что не хотела.

Глаша опустила голову, и черная пелерина волос распустилась по плечам.

– Хороша! – воскликнул, глядя на нее один из полицейских. – Жаль такую девку в тюрьму везти. Парень -то хоть стоящий, из-за которого страдать будет?

– Да какое там, – махнула рукой Лизавета. – Не чета он моей дочке, характером он слабоват. Ну не нужен он ей, с чего ей травить его, коли не глянется?

Ксения, до этого не вступавшая в разговор, вдруг напустилась на урядника:

– Ты что это, поселиться у меня в усадьбе задумал? Тянешь кота за хвост - давно бы уже брал арестованную, да ехали бы в уезд. Не видишь, под окном народ собирается – а мне и моей семье позора не нужно!

Ее недовольство возымело действие, и вскоре полицейские ушли, уводя с собой Глашу. Позади бежала Лизавета с узелком в руках.

Из сеней все перешли на кухню. Иван сел за стол, а Ксения принялась хлопотать у плиты.

– Глашки нет, подавать некому, – заметила она, доставая кашу из печки, а из буфета хлеб и расстегай.

– Мне бы квасу, – попросил Иван.

– Возьми сам. Или Петра попроси. Да садитесь уже, – в голосе Ксении слышалось непонятное раздражение.

– И чего ты взъелась? Неприятно, конечно, но ведь Матюша, слава Богу, жив, – произнес Иван. – Может, еще и не посадят.

Ксения села рядом.

– Посадят или нет, мне уже все равно – ни Лизаветы, ни ее дочери -погубительницы я в своем доме видеть не желаю, – отрезала она, и в ответ на немой вопрос мужа добавила:

– А ты не понял? Ведь это она Петю нашего хотела на тот свет отправить, дрянь такая, да господь отвел.

Сидя в вагоне, Петр вспомнил подробности того вечера, пресловутую кринку с компотом. Неужели правда то, что после их разговора наедине, Глаша задумала недоброе?

Верить в это не хотелось, но столько совпадений. Петр прикрыл глаза и представил себе Глашу – такой, какой она была раньше – до того, как он внезапно обнаружил ее влюбленность. Нет, не могла эта девочка, названная сестра, попытаться отравить его.

А с другой стороны, каким страстным огнем горели глашины глаза, когда он оттолкнул ее в ответ на притязания – ему показалось в один момент, что она превратилась в ведьму, и от такой Глаши всего можно было ожидать.

Почти всю дорогу Петр занимался самокопанием, а под утро задремал с мыслью, что суд во всем разберется и уста-

новит виновность или невиновность Глаши.

Жаль Матюшу, но, Бог даст, поправится и приедет в Питер вслед за Петром. А Петр, как устроится, непременно пришлет Волуновым свой адрес.

Глава 5

Поезд остановился у перрона Царскосельского вокзала, и пассажиры стали покидать вагоны. Петр Силин вышел на платформу одним из последних. Он проталкивался к выходу сквозь толпу таких же пассажиров и раздумывал, что делать дальше. Наверное, надо было взять извозчика и отправиться по адресу, который ему дал деревенский доктор – адрес его сестры. Он и письмо написал, и разъяснил, как доехать.

Петр коснулся рукой жилетки: маменька зашила туда деньги за подкладку, опасаясь воров. В кошельке у него была небольшая сумма, которой должно было хватить на оплату извозчика. В руках он держал чемоданчик и свернутое в скатку пальто, а кошелек лежал в потайном кармане, и Петя ломал голову, как достать оттуда деньги, не привлекая внимания.

Извозчик нашелся сразу. Оглядев Петра с головы до ног, ражий парень презрительно хмыкнул и громко произнес:

– Садись, деревня, довезу. Куда ехать-то?

Петр в свою очередь вернул ему презрительный взгляд и спросил:

– Сам-то давно в город перебрался? Откуда прибыл? Псковский? Новгородский?

– Ярославские мы, – набычился парень. – На заработках

здесь.

– Ясно. А город хорошо знаешь?

Возница не снизошел до ответа.

– Ладно, не сердись, – спокойно сказал Петр, – Отвезешь по этому адресу?

Он сунул в нос бумажку, и парень назвал цену. Немного поторговавшись, пришли к согласию, и Петр уселся в экипаж.

– Пушкарская, там квартиры дорогие, – заметил парень. – Ты на заработки прибыл? Кстати, меня Степаном зовут.

– Меня Петром. Я буду в университет поступать.

Петр отвечал лениво, а сам с интересом смотрел по сторонам – вот так дома! А фонари! А трамваи! А что за золотой купол промелькнул в просвете улицы – красота какая!

Степан поправил шапку и почесал в затылке.

– Надо же! – удивился он. – А так не скажешь? А на какие деньги?

– Чего ты сразу про деньги? – возмутился Петр. – Боишься, не заплачу?

– Нет. Думаю, что смогу тебе помочь, если на Пушкарской не сойдетесь в цене. Знаю пару адресов, где студенты обитают – живут коммуной, так дешевле выходит.

– А откуда ты знаешь? Тебе-то какая выгода – не думаю, что студенты раскатывают на извозчике.

Степан усмехнулся.

– Да всякие есть студенты. Кто копейки считает, а кто

папины капиталы просаживает. Есть тут один такой, барон из Эстляндии. Этого почитай каждую неделю возу.

– Знаешь что? Отвези-ка меня в эту свою коммуны. Мне деньги с неба не падают, да и веселее с ровесниками, – предложил Петр. – Это в центре? От Сенной далеко?

– Да рядом, недалече от Владимирской церкви. Поехали, – обрадовался Степан.

Ларчик открывался просто: квартира принадлежала семье Антипиных, землякам Степана. Они давно перебрались в столицу из Ярославля и удачно занялись торговлей. Накопив денег, стали скупать квартиры в доходных домах и сдавать внаем. Хозяйка привечала своих, ярославских, а также студентов – к ним она питала слабость и испытывала уважение: как же, эта молодая поросль изучает что-то такое сложное и непонятное, а потом они выучатся и станут докторами и инженерами. Вот и сейчас Марфа Петровна (так звали хозяйку) с интересом посматривала на паренька, которого привел Степа. Невысокий, русоволосый, круглолицый, одет небогато, но аккуратно. И разговаривает рассудительно. И на любой вопрос у него готов ответ. А то, что будет учиться на инженера -путейца, тоже неплохо – факультет находится в пяти минутах ходьбы. Один недостаток – паренек не ярославский.

Марфа Петровна подумала и решила, что это она как-нибудь переживет, а то, что комната вторую неделю пустует – вот это плохо.

– Я согласна, – заключила после некоторого размышления Марфа Петровна. – Вечером другие жильцы вернутся, так познакомьтесь. У меня медички живут, поэт, актриса, даже барон есть.

– А барон что делает? – спросил Петр.

– Учится. Вернее, это сейчас он учится, а раньше дурака валял, стихи писал, да денежки отцовские спускал. Я его выгнать хотела, но папенька его приехал из Эстляндии и со всеми долгами расплатился. Он, конечно, с гонором, но привыкла я уже к нему.

Хозяйка вздохнула, а потом спохватилась:

– Идем, голубчик, я тебе покажу твои покои. И насчет са-мовара договоримся.

Квартира поразила Петра: она чем-то напоминала дортуар в пансионе – длинный коридор и выходящие туда двери; кухня, ванна, туалет и большой камин в коридоре.

Комната, предназначенная Петру, казалась пустоватой из-за недостатка мебели – кровать, шкаф, стол. Один – единственный стул притулился к стене, да в углу стоял ящик непонятного происхождения, на котором валялись чьи-то калоши. Окно выходило во двор-колодец, и взгляд упирался в серую стену. В комнате было темновато, но Марфа Петровна кивнула на лампу – семилинейку и сказала:

– Зато дешево.

И Петр смирился. А, попив чаю, нашел свое положение приемлемым.

К вечеру вернулись другие жильцы: две медички Таня и Маня, симпатичные смешливые первокурсницы из Пензы; поэт Гриша Ионов, принадлежащий к когорте вечных студентов, и актриса. Кудрявая шатенка в черном платье, расшитом бисером, велела называть себя Фионой. Петр никогда не слышал подобного имени, но для себя решил, что на самом деле девушку зовут как-то по-другому, а представляется она сценическим псевдонимом.

В комнате медичек накрыли стол, выставив свои съестные припасы. Петр принес мамины пироги и круг домашней колбасы; Гриша – гречневую кашу с мясом из ближайшей кухмистерской, а Фиона ради знакомства выставила бутылку домашней наливки.

Медички расставляли миски с соленьями и корзинку с хлебом.

– Обрезки берем в булочной на углу, – пояснил Гриша, выуживая из корзинки помятый кусок ситного. – Стоит копейки, а иногда и даром.

– Посуду несите свою, – попросила белокурая Таня. – Петр, у Вас есть стакан? А то мы найдем лишний.

– У нас в коммуне не выкают, – заметил Гриша, и вдруг его озарило. – Ах, мартышки, это они комедию ломают, чтобы выпить с тобой на брудершафт. Не соглашайся, Петя.

– Ну что ты, Гриша! Что о нас Петя подумает, – захихикала темненькая остроносая Маня. – Петя, не ходите за стаканом, я уже достала.

Фiona и Гриша переглянулись: кажется, впервые медички показывали «изыски воспитания».

– Это они впечатление хотят произвести, -шепнул на ухо Фione вечный студент, а она передернула плечами и бросила в сторону:

– Еще бы, такой кавалер.

– Самовар готов, – сообщила хозяйка. – Садитесь за стол.

Глава 6

– Не слушай их, Петя. Твой факультет недалеко. Это девчонки каждое утро добираются до Петроградской. Хочешь, я завтра тебя отведу туда? – спросил Гриша. – А подумаю, может, и сам туда устроюсь.

Девчата дружно засмеялись, а Фиона закурила.

– Ну уж и специальность – путеец, – фыркнула она, выражая презрение таким образом.

– Нормальная специальность, – возразил Петр. – Вон в Сибирь железку проложили, а ее кто-то должен обслуживать. Нет, работы хватит, да и жалованье у путейцев немалое.

Фиона картинно выгнула шею, словно изображала лебедя, и поправила спадавшую шаль.

– Вы все в жизни привыкли мерить деньгами, а как же искусство? Эмоции? Душевные порывы? Вам, простым людям это неведомо – вы только копите – на старость, на мебель, на приданое дочерям, на покупку дома или коровы. Как это скучно!

Она произнесла это сценическим тоном, и Петр понял, что это игра.

Медички, кажется, так не считали.

– Кто бы рассуждал про порывы, да только не Вы, Фекла Архиповна, – ядовито заметила Таня. – Или как Вы там по паспорту?

– Тоже мне, бескорыстная какая! – возмутилась Маня. – На сцене дурака валять – это просто. Попробовала бы утром учиться, а вечером – дежурить в больнице.

Девушки переглянулись и, перебивая друг дружку, начали припоминать все прегрешения Фионы.

Гриша отмалчивался, а Петр подумал, что не так уж дружно живут обитатели этой квартиры.

– Гриша, может, ты нам считаешь свои стихи? – предложил Петр. – У нас в гимназии был прекрасный словесник, он занимался с нами дополнительно и привил вкус к хорошей поэзии.

Гриша, словно ожидал приглашения, он вылез из-за стола на середину комнаты и стал декламировать пронзительным голосом:

«Течет неспешно Нил: весна, и вновь хамсины.

Несносная жара, хотя и не сезон.

В глаза летит песок, гнут подданные спины-

Вернулся в свой дворец всесильный фараон.»

Фиона вскочила с места и всплеснула руками. Казалось, она хотела обнять поэта, но ограничилась тем, что стала яростно трясти его за рукава.

– Какая прелесть, Гриня! – воскликнула она. – Это лучшее из написанного тобою. А продолжение есть?

Гриша скромно кивнул и продолжил:

– «На голове царя высокая корона:

Там в золоте блещут сапфир и бирюза.
Знак Бога на челе – изогнутый змееныш:
Рубин – его язык, а изумруд – глаза.

Нагрудник золотой, там надписи которых
С течением веков уж не поймет никто.
Синеет лазурит – неясные узоры,
Краснеет сердолик, как юной серны кровь»

Петя молча наблюдал за тем, как девушки курят словесный фимиам довольно посредственным строчкам, но в спор не вступал. Он уже хотел прочесть что-нибудь из школьного курса, как вдруг резко запахнулась дверь в комнату, где пировала наша компания. В проеме появилось новое лицо – высокий молодой человек оглядел всех с порога, не спеша войти внутрь.

– Коля пришел, – заметила Таня.

А молодой человек кивнул небрежно, что должно было означать приветствие и хмыкнул, глядя на накрытый стол.

– Так, празднуете? И что мы празднуем? И начали без меня. – попенял он, глядя в основном на Фиону, а затем обратился к Грише, – А наш менестрель, как всегда, сочиняет лабуду про таинственные замки, знойные пустыни и эльфов в ирландских долинах. О чем речь сейчас?

Петра вновь пришедший как будто не замечал, и делал это намеренно, низводя его до уровня пустого места. Петя ре-

шил, что ни навязываться на знакомство, ни бороться за внимание этого типа он не будет – много чести! Неужели он и есть тот самый пресловутый барон, о котором упомянула хозяйка? Если так, то плохо же его выучили в свое время хорошим манерам!

Гриша же поспешил продолжить декламацию:

– «А жезл в руке его украшен поскромнее:

Глаз Гора -сила, власть – карбункул голубой,

А на щите его цветные скарабеи-

Шпинель и аметист в оправе золотой.

Но грустен его лик – ведь было предсказанье,

Что разольется Нил, коварен и бурлив,

Затопит он поля, дома, дороги, зданья,

И вековая власть падет Стوراتных Фив.

И не спасет его великое богатство,

Манящий злата блеск, волшебный блеск камней.

Погибнет фараон, едва вкусивший власти.

Неужто был он прав, казненный чародей?»

Гриша вопросительно посмотрел на вновь прибывшего, словно ждал его оценки, но молодой человек молчал, а девушки не решались высказаться прежде него.

– Ну как, Николаша? – не выдержала Фиона.

А Николаша, не спрашивая разрешения, соорудил себе бутерброд с салом и схватил пальцами скользкий соленый

огурец из миски.

– Вообще-то положено опоздавшим наливать штрафную, – заявил он и откусил большой кусок от ржаной ароматной горбушки.

– Кто это? – вполголоса спросил Петр у одной из медичек, кажется, у Мани.

– Коля. – одними губами пролепетала она.

– А кто он, этот Коля? – голос Петра прозвучал громче – так, что его слышали все.

– Коля-то? – дурашливо переспросил новенький. – Барон Николай – Вольдемар Фридерикс младший.

Он повернулся и уставился на Петра с плохо скрываемым изумлением, словно подала голос козявка или таракан.

Петра не испугали ни регалии «Николаши», ни его сверлящие взоры.

– Ну, что теперь, Ваша Светлость? Нам пасть на колени или как? А, может, все-таки выпьем и познакомимся? Волею судьбы я занимаю комнату рядом с Вашей. – заявил он и разлил по стаканам остатки наливки.

Они выпили, не чокаясь.

– Меня зовут Петр. Петр Силин. В будущем инженер-путеец, а пока студент. А кто Вы, кроме того, что родились бароном?

Глаза Николая из сверлящих сделались колючими, словно репейник.

– А я не учусь, я дурака валяю, – с вызовом произнес он.

Возможно, он полагал, что Петр бросит реплику насчет папиных денег, или еще что-нибудь занудное и поучающее, и тогда он прицепится к этому парню, который с первого момента раздражал его по неизвестной причине, однако Петр спокойно предложил:

– Вот и хорошо. Завтра проводишь меня на кафедру.

Ужин продолжился. Барон неопределенно пожал плечами и приступил к еде. Некоторое время царило молчание, прерванное недовольной репликой поэта Гриши:

– А о моих стихах так никто ничего и не сказал.

Глава 7

Прошло два месяца с тех пор, как юный Петя Силин приехал в Санкт Петербург и поступил учиться. Он прижился в квартире -коммуне, и даже барон Николаша не цеплялся к нему. Более того, он поступил на тот же факультет и теперь учился в одной группе с Петром. Гриша Ионов ходил на лекции по филологии, пробовал писать в газету, но в основном подрабатывал репетиторством.

Медички приходили домой поздно, а Фиона, оставшись без ангажемента, поступила на службу в один из модных магазинов в «Пассаже».

Вечером все жильцы собирались за ужином обмениваться новостями и послушать новые вирши, которыми их потчевал Гриша с пугающей регулярностью.

Хозяйка Марфа Петровна ставила самовар и уходила. Иногда она приносила письма – обыкновенно письмоносец прибывал днем, когда квартира пустовала.

Петр уже получил несколько весточек из дома, написанных то твердым отцовским почерком, то каракулями младших сестер. Мать не писала – стыдилась корявых букв и огромного количества ошибок. Впрочем, ее голосок звучал в каждой строчке, ведь ни отец, ни сестры понятия не имели, о чем писать: все живы, ну и ладно!

А мать диктовала о том, что урожай собран, Лизавета

уехала в Гнилицы, а отравительницу Глашу судили в Пскове и посадили в тюрьму. Матюша выздоравливает: на прошлой неделе приходил к Силиным, спрашивал, как Петр устроился. Говорит, после Рождества и он прибудет в столицу. А, может, и раньше.

От себя отец забросал наставлениями: деньги трать аккуратно, не играй в карты, не увлекайся спиртным. Городских барышень избегай – ничего хорошего в них нет: своя деревенская надежнее для жизни, а любовь так называемая пройдет и оставит оскомину на зубах.

Перечитывая строчки, касающиеся городских барышень, Петр злился. К чему ненужные предостереженья? Отец во многом прав, и большинство местных девушек избалованы и несерьезны, так неужели он думает, что Петр Силин заинтересуется подобной особой? Да и времени нет, чтобы ухаживать за девушками: он вовсе не желает вылететь с учебы. Это барон мог себе позволить порхать с факультета на факультет. Впрочем, кажется, сейчас он взялся за ум.

В дверь комнаты постучали. Петр оторвался от перечитывания писем.

– Входи, кто там такой вежливый, – отозвался он.

Вежливым оказался барон.

– «Помяни черта», – подумал Петр и вопросительно посмотрел на замявшегося у входа Николая.

– Тебе конспект, Ваше благородие? – наугад спросил он, памятуя о том, что тот прогулял несколько лекций по меха-

нике.

Николай шутовски развел руками, показывая, что Петр попал в точку.

– На столе, тетрадь в коричневой обложке.

Николай вытащил из стопки тетрадей нужную и открыл на самой середине.

– Ну и почерк у тебя, Петро! – воскликнул он. – У вас в гимназии не преподавали каллиграфию? Это же читать невозможно!

– А сам лекции записывать не пытался? – съязвил Петр.

Николай зевнул.

– Скука ваши лекции, – презрительно сказал он, – Я и так все выучу. А вчера классно погуляли на Каменноостровском в новой ресторации.

Он хотел еще что-то добавить, но его остановил пристальный взгляд Петра.

Николай замолчал. Как получилось, что этот невзрачный деревенский паренек без спроса влезает в его дела и воспитывает почище папаши?

А он, барон Николай – Вольдемар Фридерикс вместо того, чтобы послать подальше непрошенного воспитателя, заглядывает ему в глаза и униженно просит конспекты. Он вспомнил то прекрасное время, когда он приехал из Эстляндии в столицу и... понеслось.

Он снял квартиру на Стремянной улице и каждый вечер прогуливался по Невскому проспекту, разыскивая приклю-

чения и тратя деньги. Сначала он посещал музеи и театры, затем дорогие рестораны, а потом скатился до кухмистерских в районе Лиговки.

О посещении университета как-то само собой забылось – Николай даже точно не вспомнил, а на каком факультете он учится – юридическом, или, может быть, биолого – почвенном?

Отец приехал неожиданно – взял и прибыл, чтобы узнать, каковы успехи наследника в учебе, и насколько дорога жизнь в столице? Квартирная хозяйка просветила его в часы отлучки отпрыска, и Фридерикс – старший пришел в ярость! Он обследовал комнату сына и поразился двум вещам – наличию пустых бутылок под кроватью и отсутствию конспектов. Надо ли добавлять, что вернувшегося поздно вечером Николая ожидал горячий прием.

Отец рвал и метал, грозил увезти домой и запереть в глуши, на мызе (затерянный в лесах хутор недалеко от Выру). Николаша клялся и божился, что это в последний раз, что он будет посещать все лекции и семинары и закончит обучение лучше всех. Отец вроде бы и согласился, но в недобрый час заглянула квартирная хозяйка и объявила, что юный барон должен деньги кухарке, прачке, извозчику и ей самой.

Фридерикс- старший крякнул, когда противная баба озвучила сумму, но долги заплатил. После этого у Фридерикса-младшего не осталось ни единого шанса.

Они вернулись на мызу незадолго до Рождества. Восемна-

дцатилетний Коля жил воспоминаниями о Петербурге, ощущая родной дом, как тюрьму.

От скуки хотелось повеситься, и только надежда на то, что отец когда-нибудь переменит свое мнение, заставляла его вставать по утрам. А потом неожиданно для себя Николай стал вникать в хозяйственные дела мызы и заинтересовался ими. Счета, договоры, поставки, бухгалтерский учет – все проходило через руки Фридерикса – старшего, и Николай учился всему, не стесняясь спрашивать и переспрашивать.

Следующей осенью он снова приехал в Петербург. Теперь-то он не подведет и будет посвящать учебе все время. И квартиру снял у Марфы Петровны – оно и подешевле, да и от Невского подальше.

Возможно, Николай и выполнил бы данное себе обещание, но вмешалась судьба в лице новой квартирантки Фионы.

Марфа Петровна нашла ее на квартирной барахолке на Апраксином дворе. Молодая провинциальная актриса играла в Передвижном театре и искала квартиру в центре города. Район Сенной площади подходил ей, как нельзя лучше.

Она появилась в новом жилище с множеством чемоданов, шляпных коробок и связанных стопками книжек. Рыжие волосы выбивались из-под шляпки, тени пушистых ресниц сливались с тенью от вуалетки, а дорожное платье сидело на новой жиличке, как влитое.

Николай бросился помогать ей и втащил часть скарба в комнату. Она, не скрывая удивления, обожгла его взглядом раскосых серых глаз. Молодой человек залюбовался новенькой – в ее лице было что-то лисье, загадочное. Он невольно улыбнулся.

Девушка расстегнула жакет, стащила с рук тонкие перчатки, похожие на паутинки, и протянула ладонь Николаю.

– Фиона, – представилась она. – Актриса.

Не отрывая взгляда от ее лица, Николай пожал ее руку. На его щеках выступил румянец от внезапного смущения.

– Николай. Студент, – пробормотал он.

Он хотел добавить и про баронство, и про успехи на факультете, но сквозняк залетел в открытую дверь и уронил одну из шляпных коробок – та покатила прямо под ноги юному барону, а Фиона картинно охнула.

– Я Вам помогу, если хотите, – предложил Николай.

Фиона пожалала плечами, но от помощи не отказалась.

Через несколько недель она пригласила нового знакомого на премьеру. Передвижной театр не считался в столице выдающимся: его посещали в основном жители рабочих окраин, однако Николай поблагодарил Фиону и пошел смотреть спектакль.

Играли так себе, словно любители на домашнем вечере, Николая это не смущало. Его не столько интересовали перипетии пьесы, сколько Фиона.

Роман был ярким, но непродолжительным. В конце кон-

цов Николаю надоела простецкая публика, легковесные постановки, да и сама красавица.

Окончание романа совпало с появлением в квартире нового жильца – Гриша Ионов представился начинающим поэтом. Гордое звание «вечный студент» новенький предпочел скрыть. Он учился в университете, кочуя с факультета на факультет, и каждый раз его выгоняли за лень и неуспеваемость. Гриша не унывал: он писал вирши, статейки, которые регулярно помещал то в одну, то в другую бульварную газету. Денег не хватало, но вечный студент в те дни, когда в карманах не шуршали купюры и не звенела мелочь, либо разносил почту, либо давал уроки.

Он подружился с Николаем и ввел его в поэтическое сообщество, которое раз в неделю собиралось в доме близ Пяти Углов. Николай и сам попробовал писать стихи, даже книжку выпустил под названием «Северные зори». И хозяйка салона, блистательная Аида, отнеслась к нему благосклонно, но досадная случайность помешала его поэтической карьере.

Нашлись доброжелатели, которые не поленились уведомить Фридерикса-старшего о Колиных успехах в обители муз, даже книжку прислали. И снова папа пришел в ярость. Он излил свой гнев в письме, в котором наотрез отказывался в дальнейшем оплачивать Николашины глупости.

Пришлось заняться репетиторством. И все же Николаша не родился бы бароном, если бы склонил голову и смирился с созданным положением. То есть, смириться-то он сми-

рился – а куда ему деваться? Но признаться, что он сам зарабатывает себе на жизнь, было выше его сил. И Николай продолжал поддерживать легенду о разгульном образе жизни, о ресторанах, в один миг оказавшихся ему не по карману, о бесконечных романах. Иногда он вызывал Степана и с шиком возвращался домой на извозчике.

Идея стать инженером-путейцем возникла с появлением Петра Силина. А почему бы и нет? Столько дорог строят по всей необъятной Российской империи – неужели барону Фридериксу -младшему не найдется места службы? И что тогда скажет отец?

Правда, на лекции он не всегда успевал из-за своего репетиторства, отговариваясь байками о загулах в разных компаниях. Кажется, Петя поверил в ресторан на Каменноостровском...

Глава 8

– Ну, как дела, Николаша? – спросила Марфа Петровна, занося пузатый самовар в комнату. Она водрузила его на маленький столик, покрытый льняной салфеткой. Хозяйка с подобострастием относилась к титулованному жильцу и по возможности исполняла прихоти последнего. Ну как же такой воспитанный юноша, а то, что занимается неважно, так это болезни роста: повзрослеет -поймет, что почем в жизни, глядишь, и выучится на какого -нибудь инженера. А пока она хвасталась в кругу ярославских, что у нее квартируют «аристократы».

Николай переписывал конспекты, позаимствованные у Петра. Он отрешенно посмотрел на Марфу Петровну – та расставляла на столике посуду – чашку с блюдцем, сахарницу и сухарницу, в которую высыпала печенье, купленное ею в кондитерской по просьбе жильца.

– С учебой -то как? – переспросила она.

Николай неопределенно махнул рукой, и многоопытная хозяйка решила, что дела плохи.

– Никак тебя опять выгоняют, Коленька? Ой, господи, что папаша Ваш скажет? – запричитала она так громко, что мысли Николая моментально переключились с конспектов на хозяйку.

– О чем Вы, Марфа Петровна? Никто меня не выгоняет

-наоборот, спросите у Петра, если мне не верите, – ответил он. – Хотя... – он замялся, – С французским у меня неважно. Вы же знаете, у меня с детства два родных языка – русский и немецкий, еще один язык в голове не умещается. А требования такие, как будто путеец не может обойтись без французского.

Марфа Петровна кивнула, соглашаясь с Николашей.

– Мы же будем строить железную дорогу в Сибири, а не в Бретани или Лангедоке – зачем мне французский? – продолжал он. – А как спихнуть экзамен, понятия не имею.

– Ох, грехи наши тяжкие, – вздохнула хозяйка. – Вылептишь с учебы, папаша домой увезут, а там ни девушек, ни ресторанов.

– Да знаю я. Знаю! – воскликнул Николай, вскочив с места.

Он стал в волнении расхаживать по комнате, а исписанные листки плавно упали на пол. Марфа Петровна бросилась их поднимать. Она протянула их Николаю прямо в руки, и он остановился от неожиданности.

– А ведь у меня только все стало образовываться, Марфа Петровна. Так обидно.

За дверью послышался смех вернувшихся домой медичек.

– А соседи не могут помочь? – спросила хозяйка, кивнув на дверь.

– На «отлично» никто не знает. А девчата в медицинском французский не учат.

– Вот незадача, – протянула Марфа Петровна.

Кажется, она придумала кое -что.

– Скажи, Николаша, а репетитора ты взять не хочешь?

Не думал об этом?

– Конечно, думал. Только не нашел пока.

– Так ты поторопись, уже ноябрь на дворе, – напомнила хозяйка.

Николай вроде бы успокоился: он подошел к самовару и налил себе чаю. Хозяйка торопливо сунула ему под нос сахарницу и крохотные щипчики.

– Есть у меня на примете девушка – наша, ярославская. Французский в гимназии учила. Может, возьмешь ее в репетиторы? – вкрадчиво спросила Марфа Петровна.

Симпатичное лицо Николая скривилось, изображая скепсис.

– Гимназистка? Не тот уровень. Не справится она.

Он предложил чаю почтенной даме, но увлеченная идеей найти землячке приработок, Марфа Петровна отказалась. Она продолжала нажимать на Николая.

– И не гимназистка она, а учится на сестру милосердия. Хотела на доктора, но средств нет – платить нечем. А уроки она дает еще с гимназии, у нее хорошо получается, и ученики около нее держатся. Ты вот что, Коленька, оставь ей какой-нибудь текст и проверь, знает она язык или нет. А я скажу Зое, чтобы зашла

Николай торопливо глотнул чаю и чуть не обжег губы. Вы-

ражение скепсиса так и не сошло с его лица.

– Зоя? Смеетесь, Марфа Петровна. Девушка с таким именем не может быть серьезной.

– Чего это? Новиковы их фамилия. Они лет пятнадцать в столице. Папаша ихний помер, а мать одна с троими осталась. Зоя-то старшая – то да се, деньги нужны на кремы и на чулочки.

– Чулочки, – пробормотал Николай. – Хорошо, оставлю я Вашей протеже листы с текстом, и не поскуплюсь, если она действительно знает французский.

Глава 9

Зоя Новикова спешила на встречу с неизвестным работодателем. Спасибо землячке Марфе Петровне – с тех пор, как внезапно умер отец, Антипины не оставляли осиротевшую семью заботами. В тяжелые времена помогали деньгами, находили работу для вдовы и старшей дочери. Прошли годы, и Новиковы получили небольшую пенсию, мать давала уроки музыки, Зоя закончила гимназию, а в свободное время занималась репетиторством. Курсы сестер милосердия помогли оплатить те же Антипины – дальняя родня. Младшие братья – близнецы Гриша и Гаврюша тоже учились в гимназии на казенной стипендии.

Иногда Марфа Петровна по старой памяти навещала Новиковых, снимавших квартиру неподалеку от Кузнечного рынка – обычно она забегала по пути за покупками, в пятницу или субботу, но на этот раз заскочила во вторник.

Отказавшись от предложенного чая, землячка сразу выложила суть дела – позаниматься французским языком с одним из ее жильцов.

– Он парень нежадный, заплатит, сколько скажешь. Сам из балтийских немцев, живет у меня уже третий год, – тараторила она, схватив Зою за пуговицу жакета, словно боялась, что девушка убежит и не дослушает.

– Так у меня гимназический уровень, а ему, вероятно, тре-

буется более высокий, – попробовала возразить Зоя.

На самом деле предложение Марфы Петровны показалось ей заманчивым, да и заработать перед Рождеством было бы неплохо, но надо смотреть на жизнь без розовых очков: навряд ли студента устроит ее французский, выученный на твердую пятерку. Кто его знает, что нужно в университете, какие там требования? Да и программа, вероятно, намного сложнее гимназической.

Она высказалась вслух в таком духе, и Антипина согласилась отчасти.

– В точку смотришь, – сказала она. – И он, Николай, засомневался. А потом придумал оставить тебе текст: если справишься, наймет тебя давать уроки.

Зоя смутилась.

– Боязно, Марфа Петровна, Вы говорите, он у Вас три года живет – значит, его учеба к концу движется. И потом, что ему нужно, уроки или просто перевод?

– Не знаю. – призналась Антипина. – А то, что три года, на это не обращай внимания. Его отовсюду выгоняли – погулять любит наш студент, пображничать. Вроде сейчас за ум взялся, когда папаня перестал гроши присылать.

Выражение лица девушки менялось по мере полученных ею сведений: то, что вероятный подопечный «любит погулять и пображничать», ей вовсе не понравилось. И сможет ли он заплатить за уроки?

– Оставь, – махнула рукой Марфа Петровна. – Я же не сва-

таю тебя за него, а предлагаю работу. Приходи в четверг, часам к пяти – наши уже все будут дома, и Николай придет, вот и посмотришь на него, стоящее это дело или нет. А коли он задержится где, так я попрошу, чтобы оставил этот самый текст для тебя. Подходит такое дело?

Зоя кивнула.

– А как он выглядит? – запоздало поинтересовалась она.

– Кто? Николай? Такой высокий, под два метра; белый, словно лен выбеленный. И глаза светлые. Да тебе не с лица воду пить, а научи дурака французскому и денежки подсчитывай.

Зоя не стала дальше расспрашивать и согласилась. И вот она идет в квартиру Марфы Петровны и волнуется, как перед экзаменом.

Она посмотрела в сторону Владимирской церкви: уже стемнело от набежавших туч, и купола, яркие при свете солнца, потускнели от скопившейся в воздухе влаги. Воробьи сустились в кустах боярышника, а со стороны Кузнечного рынка привычно доносились зазывные возгласы торговцев.

Дождь еще не пролился, но количество тяжелых туч указывало на то, что следует ожидать затяжного ливня.

– А я зонтик не захватила, – посетовала Зоя.

Впрочем, возвращаться – плохая примета, пути не будет, и Зоя понадеялась на «авось», тем более до нужного дома дворами хода было ровно пять минут.

Она вошла быстрым шагом в знакомый проходной двор, и задохнулась, застигнутая ливнем: он хлынул так, словно на город выплеснули воду из огромного ведра. Зоя пробиралась, прячась под хлипкими крышами сарайчиков, но порывистый ветер крутил дождевые струи в разные стороны, поэтому, несмотря на предосторожности, она все равно промокла.

Лишь только дверь парадной захлопнулась, девушка стала подсчитывать потери. Она чувствовала, что вымокла до нитки, к тому же пальто и ботинки забрызганы грязью. Нечего и думать – в таком виде нельзя показаться на глаза возможному работодателю, что он о ней подумает?

Конечно, питерская погода может кого угодно застать врасплох, но почему именно сегодня и именно перед важной встречей?

Но не все так фатально: Антипина говорила, что Николай только оставит ей текст для проверки, а сам навряд ли будет дома. В таком случае она не станет заходить в квартиру, а возьмет бумаги домой.

Зоя поднялась на третий этаж и остановилась возле нужной двери. На ней красовалась медная табличка с надписью «Антипины», а ниже на картонке список из шести фамилий. Три явно принадлежали женщинам – Иванова, Смирнова и Зотова – и Зою не заинтересовали.

А следующие следовало изучить: так, Николай Фридрикс, очевидно, это тот, кто ей нужен. Ниже были начертаны

еще две фамилии – Петр Силин и Григорий Ионов.

Зоя задумалась: хорошо, если ей откроет хозяйка или кто-то из девушек. В таком случае можно попросить обсушиться и почистить обувь. Промелькнула мысль, что это могут быть незнакомые ей Петр или Григорий, но Зоя отнеслась к этому спокойно – ну какое ей дело до парней, которых она, возможно, увидит лишь однажды.

И Зоя повернула ручку звонка.

Дверь распахнулась сразу, как будто тот, кто ее открыл, поджидал ее в коридоре. Это был явно не Фридерикс — паренек был невысоким, крепко сложенным, смуглым от застарелого загара. Зоя еще не знала, что так загореть можно на поле или в огороде. Юноша смотрел на нее вопросительно, однако не спешил начать разговор.

Зоя опешила: ее накрыла горячая волна. Она почувствовала непонятное родство с этим пареньком, которого увидела впервые в жизни. Ей показалось, что они знакомы много лет, росли вместе и знают друг о друге все.

– «Если его зовут Петр Силин, то у нас будет любовь до конца жизни, а если Григорий Ионов, то ничего не будет», – неожиданно для себя загадала она

Глава 10

Звонок застал Петра в коридоре. Он открыл дверь и... оторопел: на площадке стояла принцесса на горошине – точно такая, как ее описал Андерсен. И даже вода стекала с нее ручьями, а мокрые волосы перепутались на лбу. Петя подумал, что ее кто-то окатил из ведра. Нет, скорее сильный ливень тому виной, а бедняжка без зонтика. Он посмотрел в ее глаза, и острая игла жалости уколола его: захотелось обнять ее, согреть дыханием холодные ладони и тонкие пальчики, укутать в теплый плед, а еще лучше – напоить горячим чаем.

Глаза незнакомки, похожие на родники, смотрели на Петра оценивающе, словно она хотела понять, кто он. Она выглядела смущенной – с одной стороны пришла в квартиру, где раньше не бывала, а с другой – в таком виде! Вот молодой человек переводит взгляд с мокрой макушки до грязных следов от ботинок. Он ничего не говорит – пока! Ну что же, придется Зое начать разговор.

– Добрый день, – тихо поздоровалась Зоя.

– Добрый вечер, – церемонно поправил ее Петр.

Он улыбнулся, поощряя ее к продолжению, и Зоя спросила о Фридериксе. Если Петр и удивился, то он ничем себя не выдал, а равнодушно заметил, что «господина барона» дома нет. Титул в его устах прозвучал насмешливо, и Зоя невольно смутилась.

Петр хотел узнать, зачем ей нужен барон, но Зоя опередила его.

– А... он ничего не оставлял для меня?

Вопрос показался Петру нелогичным: если бы Николай попросил что-нибудь передать, он назвал бы имя того, кому передать. И тем не менее он ответил:

– Нет, ничего.

Девушка растерялась, даже губу прикусила.

– А Марфы Петровны нет? – спросила она таким тоном, словно от ответа зависит что-то важное.

Петр не мог ее обнадежить.

– Нет, она приходила в полдень и все.

– «Неужели Антипина забыла об их уговоре?» – подумала Зоя.

Она понимала, что планы рухнули, но не это главное – не так уж и важны для нее были эти переводы! Нужно уходить, но в таком случае ее покинет странное чувство родства с этим пареньком, имени которого она не знает и теперь уже никогда не узнает.

Ее не оставят сожаленья – они будут возвращаться каждый раз при внезапных воспоминаниях, например, если ей снова придется идти теми же проходными дворами, либо она снова попадет под сильный ливень и промокнет до нитки.

Сначала сердце сладко провалится, а затем его наполнит горечь. Она пропитает все ее существо и медленно, по капле будет отравлять самые счастливые моменты.

Восторг сменился опустошенностью, тянуть время и дальше не имело смысла, и Зоя обреченно сказала:

– До свидания.

Юноша ничего не ответил, да ей и не нужно было его прощание. Ну что же, не судьба...

Она повернулась, чтобы выйти на улицу, но молодой человек поспешно взял ее за руку и смутился, словно испугался собственной смелости.

– Пойдите! – воскликнул он.

Упала секунда, другая... Рука юноши была крепкая и надежная, и Зоя чувствовала, как уходит из ее сердца беспокойство.

– Куда Вы пойдете? Ведь дождь еще не кончился? Вам необходимо обсушиться. Пойдемте внутрь, пойдемте, – он осторожно подталкивал ее к двери в квартиру, но Зоя, скрывая в глубине души радость, отнекивалась.

– Мне право неудобно, – тихо промолвила она, не поднимая взор.

Если бы она знала, что Петр мучительно ищет предлог задержать ее, не дать уйти и исчезнуть в неизвестном направлении. Если так случится, он себе не простит нерешительности. И без нее, без «принцессы на горошине» все потеряет смысл – и учеба, и диплом, и виды на будущее.

– Почему неудобно? – удивился Петр.

Она хотела что-то возразить, но юноша стоял на своем.

– И Николай скоро вернется. В такую погоду тяжело найти

извозчика. Можете подождать на кухне или в моей комнате. Не уходите.

Последнее прозвучало в унисон с настроением Зои, и она, кивнув головой, вошла в квартиру.

– Наваждение и колдовство, – сказала себе Зоя, сидя на скамейке в теплой кухне и наблюдая за юношей.

Она грела ладони, прислонив их к краю печки; ноги утонули в теплых сухих валенках – их принес из своей комнаты незнакомец. Он даже предложил ей свитер – красный, толстой домашней вязки. Она натянула его на себя и ощутила приятное тепло.

А молодой человек хлопотал вокруг плиты и самовара. Зоя невольно следила за ним и улыбалась, разомлев от тепла. Изредка она ловила на себе его взгляд и сразу же отводила свой, чтобы незнакомец, не дай Бог, не обнаружил ее интерес к нему.

Чтобы занять себя, она вытащила учебник французского и погрузилась в чтение. Юноша в это время накрывал на стол, доставая из шкафчика то сахарницу, то чашки, то вазочки с медом и вареньем. Он делал круги, вышагивая от стола к буфету, и осторожно приближался к Зое. Подойдя вплотную, он наконец сумел рассмотреть ее книгу.

Французский? Но ведь это гимназический учебник – да, именно, пособие для восьмого класса! Еще не так давно Петр учил по этому учебнику неправильные глаголы.

Так что же получается: незнакомка всего лишь гимназист-

ка?

Зоя оторвалась от созерцания страницы и подняла взгляд на юношу. Застигнутый врасплох, он смутился и спросил первое, что пришло ему в голову:

– А что Вы читаете?

Зоя молча показала ему обложку: на лице юноши проступило изумление.

– Французский? Вы учитесь в гимназии? – спросил он и пожал плечами.

– Нет, я закончила гимназию и теперь учусь на курсах сестер милосердия, – похвасталась Зоя.

Она ожидала продолжения разговора, но молодой человек пригласил ее сесть за стол.

– Я уже и так согрелась благодаря Вашим заботам, – попробовала она отказаться, но паренек решительно заявил, что чашка чая в холодную погоду никому не помешает.

Зоя смущенно покосилась на валенки.

– Ну и что? Ваши ботинки насквозь промокли, и потом Вы же не на бал собираетесь. Проходите к столу, – настаивал он и вдруг поинтересовался, – А как Вас зовут? Или, может быть, будем на «ты»?

– Меня зовут Зоя. Я согласна, будем на «ты».

– А я Петр. Петр Силин.

Она, не отрываясь, смотрела на него снизу вверх и думала, сбудется ли то, что она загадала перед дверью квартиры или это глупое суеверие. А Петр взял ее руку в свою и повел

к столу.

Глава 11

Николай открыл дверь квартиры и замер: с кухни доносился веселый басок Петра Силина и нежный девичий смех.

– Опять вечеринку устроили, черти! – подумал он с досадой. И тут же его мысли приняли другое направление, – С каких это пор чужое веселье меня раздражает? У меня куча работы, а тут дым коромыслом! Нет, это надо прекратить немедленно.

Он снял пальто и калоши и аккуратно поместил их в коридорный шкаф, а сам заглянул в кухню. При слабом электрическом свете ему предстала идиллия – Петр и неизвестная девушка, розовые от горячего чая и раскаленной печки, мирно беседуют. Именно беседуют и пьют чай, а не наливку или что-нибудь другое горячительное. Петр против обыкновения распускает павлиний хвост, что казалось несвойственным ему, а девушка смотрит на него во все глаза. Несколько раз она засмеялась, но это было не глупое хихиканье, как у медичек, не смех с придыханием, артистический, как у Фионы, а нежный, похожий на звон одинокого бубенчика.

Девушка – ничего особенного, Николаю попадались и получше. Интересно, кто она? Чья-нибудь сестра или подруга?

И тут он вспомнил: Марфа Петровна обещала учительницу французского, какую-то гимназистку. Неужели это она? Да, конечно, она – кто же еще? Как-то несолидно выглядит

эта учительница – одно слово, гимназистка!

– Прошу прощения, – сказал Николай, протискиваясь в дверь.

Он почувствовал нечто вроде досады: занятые друг другом эти двое не сразу заметили его и, кажется, не обрадовались при его появлении.

Зоя задумалась: высокий, светловолосый, голубоглазый – несомненно, это ее возможный ученик, этот самый Фридрикс, о котором упоминала Марфа Петровна. Однако барон заставил себя ждать. Он опоздал на целых полчаса.

Девушка уже приготовилась высказаться по этому поводу, но молодой человек предупредил ее намерения. Он пробормотал приветствие скороговоркой и остановил на ней внимательный взгляд.

– А Вас зовут Зоя, не так ли? – он намеренно игнорировал Петра и обращался к ней преувеличенно -нежно: так разговаривают с малым ребенком, с любимой кошкой или домашней собачкой.

Зоя не почувствовала подвоха и спокойно назвала свое имя. Петр в свою очередь наблюдал за происходящим, делая вид, что его не касаются чужие дела.

На самом деле он боялся, что «его благородие» посмеется над барышней, она обидится и уйдет. И где ее искать? Она исчезнет, затеряется в большом городе бесследно. Снисходительные интонации в голосе Николаши насторожили его.

Петр ошибался: девушка приглянулась барону. Снисходи-

тельность же его объяснялась тем, что в глазах симпатичной барышни он хотел казаться тем, кем и был на самом деле – взрослым, самостоятельным, воспитанным – короче говоря, джентльменом из романов Диккенса и Теккерея. К тому же он был уверен, что немного иронии придаст ему аристократический шарм. И насколько был бы удивлен Петр, узнав, что «его сиятельство» робеет перед незнакомкой.

– Николай, ты опоздал, и мне пришлось развлекать твою гостью, – сказал Петр и, обратившись к Зое, представил, – Познакомьтесь, Зоя, это Ваш будущий ученик. Впрочем, если Ваше соглашение по каким-то причинам не состоится, то не позанимаетесь ли Вы со мной?

– Я и сам могу рассказать о себе, – неожиданно обиделся Николай.

– Конечно, можете, Ваша Светлость, – улыбнулся Петр. – Вы бы чайку глотнули с холода, а потом уж и о делах.

Барон сел на свободный стул и налил чаю. С его появлением за столом воцарилось молчание, вызванное неловкостью, словно в класс внезапно заглянул господин директор гимназии. Впрочем, языки у всех развязались, как только Николай заговорил по-французски, чтобы, как он выразился, «продемонстрировать свой уровень».

– Я Вам сочувствую, местье, – развела руками Зоя. И это было все, что она могла сказать по поводу «уровня» барона Фридерикса.

И она бойко затараторила на языке Мольера. Николай

прикусил губу от досады, а Петр напрягся, чтобы уловить смысл того, что свободно выдавала девушка.

– Ты перечислила мосты Парижа и предложила прокатиться на кораблике по Сене, – так же по-французски отозвался Петр.

– Неплохо, – улыбнулась Зоя и обратилась к потенциальному ученику, – А Вы? Поняли что-нибудь?

Николай мрачно покачал головой.

– Я думаю, это дело безнадежное, – заявил он. – Значит, придется распрощаться с факультетом. Так, как Вы, мадемуазель, я никогда не заговорю.

Зоя и Петр переглянулись. Они подумали об одном и том же: Николай не станет брать уроки, и для Зои не найдется повода бывать у них, а, значит, Петр ее никогда не увидит. Он уже был готов снова предложить себя в ученики, однако девушка хитро улыбнулась и поинтересовалась:

– А Вам надо разговорный подтянуть или текст перевести для экзамена?

Николай насторожился.

– Вообще-то и то, и другое. Но перевод текста, конечно, важнее.

Он бросился в комнату и вскоре принес смятые листы. Зоя просмотрела их чуть ли не по диагонали и заявила:

– Легкий текст о путешествии по железной дороге на воды в Спа. Никаких стыков рельс или укладок шпал, чего я боялась.

– Боялись? -удивился Николай. – А я уже подумал, что французский – Ваш родной язык.

Зоя зарделась от смущения.

Петр взглянул на нее и подумал, что неплохо было бы про- водить ее до дома, а заодно узнать, где она живет, и тогда черт с ним, с бароном Николашей. В таком случае Петр ни за что не потеряет девушку и будет ухаживать за ней, пока... пока она не ответит на его чувства.

– Давайте договоримся о времени и о цене, – Николай немедля перешел к деловой части.

В зрачках Зои вспыхнули искорки, которые она безуспеш- но попыталась спрятать за длинными ресницами. Все полу- чилось так, как она хотела, и в дальнейшем она сможет ви- деть Петра.

Глава 12

Матюша стоял на перроне Варшавского вокзала и сжимал в кулаке бумажку с адресом. Петр поселился вблизи Сенной площади – пешком туда не пойдешь, придется брать извозчика, а это лишние расходы. Маменька вытащила последнюю заначку – копила на корову – и все сыну, мол, учись, сыночек.

– Держись Петьки, Ивана Силина сына, -напутствовала она, и Матюша послушно кивал.

Да, он найдет Петра, тот поможет с квартирой, а на работу устроится сам. А потом можно будет и в реальное поступить. А там пойдет, покатится другая жизнь. Сначала придется браться за любую работу, чтобы оплачивать квартиру, да и матери надо помочь. Впрочем, все будет хорошо: люди поговаривали, что в столице платят больше, да и жизнь здесь дешевле.

Матюша не верил – разве может быть дешево в столице? И потом, сколько здесь соблазнов...

В этот момент он не думал ни о музеях или театрах, а о шикарных ресторанах или игорных домах. Петербургский воздух кружил голову и будил фантазии, и в мечтах Матюша видел себя богачом. Он представлял, как он в костюме с иголки, в новом авто появляется на улице родных Боровиц, и как за ним бегут любопытные ребятишки, а шофер

нажимает на клаксон.

Маменьку, конечно, слушать надо, но до поры, до времени. Она и не догадывается о том, что после ареста Глаши в доме Силиных у Матюши в груди осталось неприязненное чувство к Петьке. Эта неприязнь была иррациональной, ни на чем не основанной. Возможно, тайная ревность стала ее причиной, ведь пострадавшей стороной от Глашиного «компотика» был он, Матвей Волунов, но денно и нощно его точила мысль, что коварная отравительница наметила в жертвы Петра.

– Получается, что она любила все-таки Петьку, – не раз говорил он сам себе.

Напрасно пытался Матюша выбросить из головы Глашу: ничего не получалось! Стоило ему закрыть глаза, как она появлялась легким видением, улыбалась ему и звала куда-то, маня за собой лилейной рукой. Он давно простил ей содеянное и, если бы она предстала перед ним, даже в тюремной робе, он обнял бы ее, заслонив от холодных осенних ветров и не отпустил никуда.

Глашу осудили на четыре года за покушение на убийство. Значит, когда она выйдет на свободу, им обоим будет по двадцать два. Жаль землячку, но Матюша вовсе не собирался записываться в монахи. А за четыре года многое может измениться.

Матюша вздохнул и отправился искать извозчика.

А над столицей давно спустился вечер. Вернулись домой

медички и занялись ужином. Фридерикс и Зоя разговаривали здесь же, на кухне. Петр делал вид, что готовится к занятиям, хотя на самом деле прислушивался к их беседе. Ему вдруг показалось, что «его светлость» заинтересовался девушкой. Ничего себе! Что он думает, в его-то возрасте! Надо сказать, для Петра, недавно справившего восемнадцатилетие, люди старше двадцати казались глубокими стариками, а Николаше, кажется, уже стукнуло двадцать три.

Незнакомое чувство ревности возникло в сердце юноши. Он понимал, что лучше всего было бы встать и уйти в свою комнату, а там за закрытой дверью погрузиться в чтение: у него и книга припасена на вечер. Лучше, но тем не менее он не двигался с места и продолжал растравливать себя.

Наконец, Зоя и Николай договорились, и девушка поднялась со стула.

– Мне пора домой, – произнесла она, обращаясь сразу к обоим юношам. – Дождь уже прекратился.

Петя и Николай, как по команде, посмотрели в окно, но ничего не увидели – все скрыли сумерки. А Зоя вдруг смутилась: в валенках, конечно, тепло, но выглядит она в них, как пожилая Марфа Петровна. И, как назло, оба уставились на ее ноги. Она заметила недоуменный взгляд Николая, но Петр поспешил оправдать ее.

– Согрелась? – спросил он и, словно уловив настроение «принцессы на горошине», объяснил присутствующим, – Я просушил Зоину обувь, а ей одолжил свои валенки.

– И свитер? – хихикнула медичка Таня.

Зоя покраснела, а Петр принес просохшие вещи и положил:

– Уже поздно. Хочешь, я провожу тебя домой?

– Я провожу домой барышню, – тоном, не терпящим возражения, заявил Николай и свысока посмотрел на Петра.

Петр готов был поспорить, но Зоя казалась равнодушной, и он отступил. Ну что же, по-видимому ей все равно: пусть идет с Николаем.

Он закрылся в комнате, отказавшись от ужина и оставив в недоумении медичек. Читать не хотелось, учеба не клеилась, и настроение упало, ниже некуда.

– Ну что здесь такого? – уговаривал он сам себя. – Мы и виделись-то чуть больше часа, и о ее существовании я узнал сегодня... Но почему мне горько? А если бы раскрутить время назад и не думать об этой Зое?

Он закрыл глаза и попытался отвлечься, но не получалось, и образ «принцессы на горошине» преследовал его.

В дверь постучали.

– Петя, ты дома? К тебе пришли, – услышал он голос второй медички, Мани.

Петр нехотя поднялся и открыл дверь. Он не ошибся, в коридоре стояла именно Маня. А за ее спиной мелькал Матюша Волунов в тулупе и с чемоданами.

Глава 13

Зоя вошла в квартиру и прислушалась. Сегодня вместо знакомого и надоевшего «и-раз, и-два, и-три, легато, стакато» – под эти материнские возгласы прошло ее детство – из столовой доносился мужской бас и рокочущий голосок матери. Обычно в это время к маме приходили ученицы – так что же это за гость, из-за которого она отменила занятия?

Прежде, чем зайти в столовую, она заглянула в комнату близнецов. Гриша и Гаврюша сидели за столом и при свете керосиновой лампы решали примеры в тетради. Оба худенькие, стриженные «под ежик», в одинаковых гимназических курточках, мальчики одновременно оторвались от писанины и улыбнулись сестре.

– Зоя пришла! – воскликнул Гриша.

В отличие от брата он был повыше и живее в разговоре.

– Удачно сходила? Договорилась с учеником насчет уроков или нет – спросил Гаврюша.

Он казался серьезным не по годам и не тратил время на любезности.

Зоя потрепала братьев по колючим макушкам и заглянула в тетради. Она отметила про себя, что мальчики почти закончили делать уроки, и весело проговорила:

– Конечно, удачно. И заработок будет. А с первого платежа мы с вами будем кутить.

Из столовой раздался материнский смех, чуть громче обычного. Ему вторил приглушенный мужской голос.

– Кто это у матери? – строго спросила Зоя.

Братья переглянулись.

– А мы не знаем, – растерянно произнес Гриша.

– Маменька попросила нас сидеть тихо и не мешать важному разговору. – добавил Гаврюша.

– Так, – протянула Зоя. – В семь у нее обыкновенно урок.

Мальчики снова переглянулись.

– Не было урока, – растерялся Гриша.

– Не было? – переспросила Зоя.

Внутри ее все кипело: еще утром мать жаловалась на безденежье, мол, до конца месяца двенадцать дней, а осталось впритык на еду, а чем за квартиру платить, непонятно. Дочь порылась в старых гимназических тетрадях и вытащила на свет записку – три рубля: она собирала деньги на рождественские подарки. Для нее это была приличная сумма, заработанная репетиторством, поэтому неудивительно, что Зою охватило чувство потери.

Жалко, конечно, но братья растут – им нужны ботинки и шарфики на зиму.

– Гимназисты, – то ли гордилась, то ли сетовала мать. –

В валенках на уроки не пойдешь.

– Не пойдешь, – подтвердила дочь. – Купи им, мама, все необходимое, а я еще заработаю.

Мать прикинула, что и за квартиру можно внести за неде-

лю, а Зоя, хотя и повздыхала, но ощутила умиротворение, словно после сделанного доброго дела у нее выросли крылья.

И что же выясняется? Дочь отдает последнее, а маменька любезничает с каким-то типом и пропускает уроки. Пропустит один раз, другой, а потом все ученицы разбегутся. Зоя потряхнула головой, отгоняя воспоминания о том, с каким трудом удалось матери набрать достаточное количество желающих заниматься музыкой девочек.

– Мама вернулась веселая и сказала, что скоро мы никогда и ни в чем не будем нуждаться, – добавил Гаврюша.

– Ничего не понимаю, – развела руками Зоя.

– А ты сходи и посмотри, что там, – посоветовал братец. – Может, она нашла новые уроки?

– Я так и сделаю.

Она постучала в дверь столовой и, не дожидаясь ответа, заглянула внутрь. За большим столом, заставленным яствами из ближайшего трактира, сидели двое – мама и какой-то тип в полосатом пиджаке. Мама нарядилась в лучшее платье, приколола к воротнику единственное непроданное украшение – круглую гранатовую брошку. Она счастливо улыбалась и, бросая лукавые взгляды на своего визави, внимала шуткам последнего. На столе перед ней стояла полная рюмка наливки.

– Мама! – потрясенно воскликнула Зоя.

Мать растерянно посмотрела на дочь, словно впервые ее увидела. Казалось, она витает в облаках, а происходящее

на земле интересуется ее постольку – поскольку. Зоя отметила, что давненько мама не выглядела такой счастливой.

Она перевела взор на маминого гостя – невысокий, тощий, а глаза наглые, масляные. И на Зою уставился, так что ей стало неловко.

– Вот и Зоюшка пришла, – произнесла мать, обращаясь к гостю. – Доченька моя, самая старшая.

Очевидно, наливка сделала свое дело: голос Павлы Семеновны звенел и переливался, словно колокольчик

– Здравствуйте, барышня, – высоким певучим голосом отозвался незнакомец. – Не сердитесь на меня за то, что я на сегодняшней вечер завладел вниманием уважаемой Павлы Семеновны. Мы тут одно важное дельце обсуждаем за наливочкой, так сказать. Но Вы не волнуйтесь, чисто символически.

И он показал на пальцах, что, по его мнению, есть это «чисто символически».

– Я вижу, – холодно произнесла девушка. – Только, может быть, Вы представитесь?

– Да, конечно, – заюлил незнакомец, – Позвольте отрекомендоваться, Викентий Петрович. Может быть, Вы сядете за стол, милая Зоя?

Он вскочил и придвинул к ней стул: Зоя нехотя уселась, оказавшись так близко от нового знакомого, что до нее доносился сладковатый запах одеколона, которым тот побрызгался от души. Она с возмущением отвергла наливку и по-

ложила на свою тарелку кусочек студня.

Викентий Петрович переключил свое внимание с матери на дочь, предлагая разные закуски. А она отгородилась от назойливого гостя миской с тушеной капустой и глубоко вздыхала, ничего не отвечая. Голос Викентия Петровича уже не казался певучим, а напротив – поражал занудством. Маменька тоже нервировала – она преувеличенно громко нахваливала Зою, и у девушки закралось подозрение, а не сватовство ли это?

Она покосилась на Викентия Петровича: от одного только нелепого подозрения ей стало тошно. В самом деле, что это она? Возможно, маменька соизволит объясниться?

И маменька соизволила. Оказывается, это не сватовство, а помолвка. Викентий Петрович сделал предложение уважаемой Павле Семеновне, и с Божьей помощью на Красную Горку состоится венчание.

– Все, как положено, барышня, – заверил мамин избранник. – Сыграем свадебку, потом переедете ко мне, я живу в Песках. И возле Николаевского вокзала квартирка имеется. Своих детей у меня нет, Господь не дал, так и Вы, милая Зоя, и братья Ваши будете мне вместо родных.

Зоя внимательно посмотрела на него, потом на маменьку: та не сводила с будущего мужа телячьих глаз, а улыбка умиления застыла на ее губах.

– Мам, ты серьезно? – спросила Зоя.

Павла Семеновна кивнула.

– Понятно, – протянула ошарашенная девушка. – Но я хотела бы узнать у Вас, любезный Викентий Петрович, на что Вы рассчитываете? Я имею в виду деньги. Надеюсь, Ваша нареченная, – и она покосилась на мать, – поставила Вас в известность относительно нашего материального состояния? У нас ничего нет: и квартира эта съемная, и зарабатываем мы уроками, и квартирной хозяйке мы должны. Правда, весной я закончу курсы и смогу зарабатывать...

Последнюю фразу она произнесла уверенно, чтобы не запугать жениха окончательно и не услышать в дальнейшем упреков от матери на то, что дочь поломала ее судьбу.

Но по всему было видно, что Викентий Петрович не испуганных: на Зоины предостережения он лишь махнул рукой и заявил, что у него средств предостаточно.

– Да чем же Вы занимаетесь? – воскликнула Зоя в крайнем изумлении: в их окружении не было богатых знакомых, все постоянно жаловались на нехватку средств.

– У меня ссудная касса, – солидно объявил гость.

Зоя почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Ростовщик, в ее понимании, был самым презренным существом, наживающимся на людском горе. И это мамин избранник?

– Но ведь Вам не нужно мое благословение? – выдавила она из себя. – Я буду счастлива, если у Вас все будет хорошо. Для меня главное – чтобы маменька была счастлива.

Она вскочила и убежала в свою комнату. Мать сделала

недоуменную гримасу, а Викентий Петрович внимательно посмотрел ей вслед.

—

Глава 14

Матюша поселился в комнате Петра: они решили разделить расходы на двоих. С трудом втиснули вторую кровать и застелили ее одеялом, выделенным Марфой Петровной из своих запасов. Письменный стол остался в распоряжении студента Силина, а Матюша занялся поисками заработка, и стол ему пока не был нужен.

Неожиданно помог Степан – извозчик, с которым Петр познакомился по прибытии в столицу. Он замолвил словечко за Матюшу в вагоноремонтном депо, где у него были знакомые. Парня взяли на испытательный срок, пообещав в дальнейшем платить приличное жалованье. Матюша уходил рано, возвращался поздно и почти не сталкивался ни с Петром, ни с остальными обитателями квартиры. Вероятно, он уже приступил к воплощению своего плана завоевания столицы.

Ничего особенного не происходило, если не считать того, что по вечерам у них стала появляться Зоя Новикова. Николай встречал ее у двери и провожал в комнату. Через минуту из-за закрытой двери начинали доноситься фразочки с прононсом на два голоса. Николай под строгим взглядом Зои мгновенно превращался в нерадивого гимназиста: он говорил неуверенно, мысленно вытаскивая из глубин памяти каждое французское слово. Иногда его речь прерывалась Зо-

иными замечаниями, после которых его светлости хотелось провалиться сквозь землю, стыдясь тупости и нерадивости.

– Не верю, – осаждала его строгая учительница, когда он соизволил заявить о неспособности к языкам. – Придуриваться может каждый, а взяться за дело – только сильный характером.

Она укоризненно посмотрела на ученика. Николай потупился. Может быть, попросить у Зои о снисхождении: пусть снизит требования, иначе он не успевает выучить заданное, однако замечание Зои о сильном характере охладило его пыл и заставило взять себя в руки.

В дверь комнаты постучали. Николай, обрадовавшись тому, что он прервется ненадолго и отдохнет от экзекуции, устроенной юной наставницей, бросился открывать.

На пороге стояла Фиона. Она, вероятно, недавно вернулась с работы, но уже переделалась в домашнее. Фиона курила тонкую папироску, пуская ароматные клубы дыма кольцами. Она заглянула через плечо Николая и остановила свой взор на Зое.

– Добрый вечер, мадемуазель. А я-то думаю, по кому это сохнут Колька с Петькой, – проговорила она певуче. – Колька зубрит взаперти, а Петенька Вас у входа караулит.

Зоя ничего не ответила, а Николай рассердился.

– Пардон, мадемуазель примадонна, Вы прерываете наши занятия только для того, чтобы сообщить нам, кто по кому сохнет? Полагаю, «мадемуазель ла профессор» это не инте-

ресует.

В ответ на его замечание, сделанное великосветским тоном, она всплеснула руками по-простонародному и ойкнула.

– Ай да Николаша! – воскликнула обрадованно Фиона. – Во дает, чешет, как настоящий француз! Можешь ведь, когда захочешь. – И сразу же поинтересовалась. – Скоро вы закончите? Сегодня Петькина очередь готовить ужин, так он приглашает вас двоих.

– Да, Зоя, составьте нам компанию за ужином, – попросил Николай. – А потом я Вас провожу домой.

– У нас еще пятнадцать минут урока, – напомнила Зоя и вопросительно посмотрела на Фиону. – А ужин прямо сейчас? Или мы закончим?

– Заканчивайте, – милостиво разрешила Фиона. – Гришка тоже дописывает статью. Но чтоб через четверть часа как штык...

Большая уютная кухня в этой квартире-коммуне служила также и в качестве столовой, особенно по вечерам и праздникам, когда все собирались вместе, и простые посиделки затягивались порой допоздна. С приездом Петра, а затем Матюши, придумали готовить ужин на всех по очереди – это выходило дешевле, чем питаться по забегаловкам, да и вкуснее. Противился один Гришка Ионов: имея свободный график работы, он не всегда успевал вовремя, но медички придумали оставлять его порцию в холодильном шкафу под подоконником.

Сегодня стол был накрыт парадной скатертью – вероятно, расстаралась та же Марфа Петровна – Правда, расставленные тарелки принадлежали к разным наборам, но кто обращает внимание на такие мелочи, если аромат грибных щей приятно щекотал нос, а тушеная капуста со шкварками дразнила аппетит.

Вокруг стола уже сидели медички и Гриша Ионов, а Петр хлопотал у плиты. Он едва поздоровался, покосившись на Николая и Зою, и ей показалось, что он недоволен ее появлением.

– «Сам же пригласил, а теперь игнорирует.» – растерянно подумала она.

Встретившись с ней глазами, Петр отвернулся, но Зоя успела заметить его хмурое лицо. А рядом несносный Николай красиво ухаживал за ней – картинно, как будто напоказ, и от этого Петр хмурился сильнее. Его настроение походило на небо в ноябрьский день -холодное и непроницаемое. Но ведь и на осеннем небе над плотным покровом туч светит солнце, так и сердце юноши пылало от восторга при виде Зои.

А еще он стеснялся напяленного поверх костюма цветного фартука, не зная, как к подобному одеянию отнесется Зоя.

Петр, сам того не предполагая, своей мнимой холодностью вогнал ее в тоску.

– «Ну и ладно, – решила Зоя. – не больно и хотелось. Может, уйти?»

Но медичка Таня уже передала ей тарелку ароматного грибного супа, а Маня, сидевшая рядом, сдобрила его сметаной. Оторваться стало невозможно.

Некоторое время все молчали, только ложки стучали о тарелки, но покончив с супом, все заговорили одновременно. Таня собирала использованную посуду, а не улыбочивый Петр помогал ей. И несмотря на то, что похвал в свой адрес он получил предостаточно, это не улучшило его настроения.

Да и как оно могло улучшиться, если Николай полностью овладел вниманием Зои. Всего лишь однажды она соизволила хотя бы взглянуть в сторону, но в ее глазах была пустота, и Петр опустил взор, чтобы скрыть разочарование. А барон, видимо, времени зря не терял: сначала поддерживал ее под локоток, потом незаметно коснулся талии. А теперь что-то шепчет ей в самое ухо.

Ладно, пусть шепчет: язык у него подвешен, это каждый знает, и рассказать что-нибудь интересное для него не составит труда. Если его светлость пребывает в хорошем настроении, то может рассмешить всю компанию. Пусть он порой склоняется к глупости и пошлости, но ведь смешно!

В представлении Петра не было ничего зазорного в плоских шутках, тем более все вокруг смеялись: либо тихонько хихикали, пряча лицо в ладонь, как медички; либо громыхали от души, как поэт Гриша. Петя и сам смеялся, но Зоя... Зоя была другой, выше этого мира с пустыми разговорами и пустым смехом. И как она могла улыбаться шуткам баро-

на?

Нет, определенно вечер не удался, и поразить Зою кулинарными способностями тоже не удалось: вот она возит ложкой по тарелке и ест почти без аппетита. Петр обиженно поджал губу – хоть бы похвалила!

И Зоя похвалила его, но позже, когда уже все насытились и лениво договаривались насчет завтрашнего «дежурства по кухне». Фиона наотрез отказывалась уступить свою очередь Матюше, а тот слезно просил «войти в положение» и обещал «золотые горы» в обмен. Медички разливали чай, а Петр подошел к окну. На фоне рассеянного света уличных фонарей его фигура темнела и казалась такой одинокой, что Зое стало нестерпимо жалко паренька, приготовившего ужин для всей компании и не удостоившегося простой благодарности.

Зоя подошла к нему, взяла его крепкую ладонь в свою и посмотрела прямо в глаза. От ее прикосновения Петр ощутил легкое головокружение, так бывает после долгого катания на карусели.

Как же она была хороша в эту минуту! Легкая улыбка, глаза прищурены, а румянец, словно бочок у райского яблока.

– Петя, благодарю тебя за вечер, так приятно закончившийся, – сказала она, немного церемонно, но руку не убирала. – Все было вкусно и...

– А ...разве вечер уже закончился? – спросил Петр, понизив тон.

Наконец-то лучи солнца прорвались сквозь пелену туч, и в его прищуренных глазах засверкали смешинки, а улыбка застряла в уголках губ. Зое показалось, что Петр задумал что-то, и она неопределенно пожала плечами.

– Мне пора домой. Урок закончен, и барон пообещал проводить меня. – сказала она с сожалением.

– Он пообещал? – усмехнулся Петр и посмотрел на компанию за столом.

Таня разливала чай из самовара, Фиона курила у открытой форточки. Рядом с ней, спиной к остальным, стоял Николай и что-то с жаром доказывал. Он так увлекся, что едва не расплескал содержимое чашки, поданной Татьяной.

Петя схватил Зою за руку и вытащил в коридор.

– Скорее! – воскликнул он, подавая ей пальто.

Зоя растерянно посмотрела на него.

– Сбежим, пока его светлость любезничает с Фионой, – добавил юноша и протянул ей шляпку и шарф.

В глазах девушки загорелись огоньки озорства, словно это не она час назад пребывала в роли строгой учительницы.

– Давай! – она нахлобучила головной убор, мельком взглянув на себя в зеркало.

Отражение подсказало ей, что для декабрьских сумерек она выглядит прилично. Переглянувшись, юные авантюристы выскользнули в парадную. В голове Зои промелькнула мысль о том, что с Николаем получилось не очень хорошо, и надо будет объясниться.

А, может быть, и не надо: присутствие Петра вызывало в ней приятное томление и тихую радость. Она шла за ним по улице и мечтала только о том, чтобы их прогулка никогда не заканчивалась, чтобы Кузнечный переулок продолжился до окраины, а то и до самой Москвы – так ей было хорошо и надежно рядом с Петром Силиным.

А Петр ломал голову, как бы задержать любимую девушку – да, да, к чему хитрить с самим собой? Надо признать-ся, он с первого взгляда втрескался в «принцессу на горошине» -так он мысленно называл Зою, просто голову потерял. Сколько раз, засыпая, он думал о ней, ревновал к Николаше и завидовал последнему: тот имел возможность каждые три дня разговаривать с «принцессой», выслушивать ее выговоры. Петр поймал себя на том, что он согласился бы занять место нерадивого ученика и даже краснеть, если «мадемуазель ла профессор» сделает замечание.

А сейчас они шли, иногда задевая друг друга рукавами, заливались краской после неловкого касания и смущенно улыбались.

Глава 15

Зоя вернулась домой расстроенная. Она прошмыгнула к себе, не обратив внимания ни на братьев, ни на мать, и там, не зажигая огня, устало опустилась на диван. Очевидно, мать встревожилась из-за ее вида: она постучала к дочери и спросила, все ли в порядке. Зое не хотелось отвечать, но больше всего не хотелось, чтобы кто-нибудь приставал с расспросами, и она крикнула через дверь:

– Не волнуйся, мама. Я просто хочу отдохнуть.

– Может, чаю или поужинаешь с нами? – не отставала мать.

Зоя с трудом разомкнула губы, чтобы ненароком не вырвались наружу рыдания, и спокойно ответила:

– Я сыта. Поужинала у Марфы Петровны.

Мать некоторое время постояла у двери, а потом отвлеклась на новые каверзы мальчишек, и Зоя, оставшись в одиночестве, почувствовала долгожданный покой.

Как же так получилось, что она своими руками, вернее, своим болтливым языком оттолкнула от себя Петра? Вот и кусай теперь локти на продавленном диване в компании трех вышитых крестиком подушек и одной кружевной думки!

За окном тускло горел во тьме газовый фонарь, со стороны Владимирской церкви доносился колокольный звон,

а со стороны Кузнечного рынка – крики торговцев, конское ржание и скрип телег. Для того, чтобы забыться сном, было слишком рано, и Зоя, растравливая себя, снова и снова припоминала подробности злополучной прогулки.

Итак, они почти уже добрались до Зоиноного дома – осталось только распрощаться и войти в парадное – как вдруг Петр предложил пойти в синематограф.

– Здесь же, недалеко, на Невском, – уточнил он. – Пойдем в «Мулен Руж» или «Паризиану»?

– Может, лучше в «Пикадилли»? Там новая фильма с Мозжухиным, – робко предложила Зоя.

Петр пожал плечами: ему было все равно.

Они попали в «Пикадилли», выстояв длинную очередь за билетами.

– Как же давно я не ходила в синематограф, – вымолвила Зоя, когда они с Петром вошли внутрь фойе. – Утром занятия, потом работа и уроки. Да и маме нужно помочь по хозяйству: братья иногда не слушаются, шалят.

– А твой отец? – спросил Петр.

– Он давно умер. Поэтому нам так тяжело.

– Извини, Зоя, – смутился юноша, – Я же ничего не знал. Ты ничего не рассказывала о себе.

– Да зачем рассказывать? Все равно никто не поможет, а из нужды надо выбираться самим. Этот барон мне прямо подарок с неба: платит аккуратно, так что я к Рождеству накоплю на подарки.

Она не стала уточнять, что деньги были, и она их отдала матери. Впрочем, Петр поспешил перевести разговор на другое.

Он по-прежнему выглядел смущенным, но в его серо-зеленых глазах мелькнули странные искорки. Под пристальным взглядом спутницы он стал что-то искать в карманах и вскоре изобразил растерянность.

– Что-нибудь случилось? – насторожилась Зоя.

– Да, – отозвался он, не скрывая тревогу. – Зоя, ты знаешь, что случилось? Наши билеты пропали.

– Как пропали?

– Не знаю. Вероятно, я положил их мимо кармана, – Петр взглянул в ее испуганное лицо и продолжил. – Не волнуйся, мы уже внутри, а в зале займем чьи-нибудь места. Просто войдем и сядем на первые попавшиеся.

– Да как же это возможно, Петя? Лучше оповестить служительницу, и она нам поможет. Или подождать, пока все рассядутся, и тогда...

Петр продолжал хмурить брови и укоризненно качать головой, чем приводил спутницу в смятение.

Наконец, прозвенел звонок: зрители двинулись в зал, увлекая за собой наших героев. Петр уверенно пробирался вдоль прохода к шестому ряду, а затем кивнул на два крайних места и сказал пребывающей в растерянности девушке:

– Пожалуй, эти нам подойдут.

Он занял место так уверенно, что Зоя последовала его

примеру.

Никто из зрителей не покушался на эти места: толпа обтекала примолкнувшую пару слева и справа, сновали туда-сюда служительницы, готовые помочь тому, кто заплутал в кинозале, словно в темной чаще, а Зоя все равно было не по себе.

Петр осторожно взял ее руку в свою – пальчики девушки подрагивали.

Неожиданно ему надоел розыгрыш, и он виновато прошептал ей прямо в ухо:

– Зоя, прости меня, я глупо пошутил, и билеты никуда не пропадали. Вот они.

Он вытащил два синих кусочка бумаги и протянул ей. Она повертела их и взглянула на Петра:

– И мы сидим на своих местах?

– Да.

Некоторое время оба молчали. Наконец, Зоя поинтересовалась:

– Петя, а зачем ты это сделал?

Действительно, зачем? Взбрело в голову, хотелось покрасоваться, продемонстрировать чувство юмора... Молодой человек мог выбрать любую причину, однако он твердо заявил:

– Потому, что ты мне очень нравишься, Зоя, и я хотел произвести на тебя впечатление.

– В духе барона Николаши? – спросила она с иронией.

– Что-то вроде, – потупился он.

Он хотел добавить, что над шуточками барона она охотно смеется, так в чем же дело? Но в этот момент послышался новый звонок, свет погас, а экран загорелся во тьме.

После сеанса они болтали, о чем угодно, не касаясь розыгрыша. Толпа зрителей из синематографа вывалилась на сияющий огнями Невский проспект. Зоя и Петр свернули на Владимирский.

– Ты не торопишься? Может быть, еще погуляем? – предложил Петр.

И они пошли в сторону Пяти Углов.

– Где-то здесь находится поэтический салон, который посещает наш Гриша, – похвастался Петр и, запрокинув вверх голову, посмотрел на освещенные окна. На самом деле он понятия не имел, куда ходит поэт.

– В этом доме? – Зоя тоже запрокинула голову, но все окна были одинаковы – поди, разберись!

– Кажется, в этом.

– Может быть, там, за розовыми занавесками?

Она застыла на месте, держа Петра за руку, а он, уловив момент, поцеловал ее.

Сердце Зои провалилось – как приятно было целоваться с Петром! И все же чей-то смешок издали подпортил ей настроение. Да и он тоже хорош – целоваться на улице неприлично!

Она и высказалась ему в таком духе.

Петр, будучи смущен не меньше Зои, потупился. Она же ощутила себя хозяйкой положения, поэтому долго и нудно выговаривала юноше о неправильности его поступка, а в конце блистательной речи заметила:

– Да и целоваться ты не умеешь. Поучился бы.

– Поучился? – насторожился он. – Я не ослышался?

Зоя смутилась.

– Ну да, – пролепетала она.

– Идем, я провожу тебя до дома, – резко сказал Петр.

Они вышли на Кузнечный переулок, не говоря ни слова. Зоя пыталась угадать, что чувствует в данный момент ее спутник, но выражение лица Петра было непроницаемым, словно застегнутое на все пуговицы пальто. Возле ворот ее дома он торопливо откланялся и ушел, не оборачиваясь, оставив Зою в растрепанных чувствах.

Глава 16

– ...ну и нашел же ты зазнобу – тонкая, прозрачная. Не то, что наши деревенские девчата, кровь с молоком, да и в работе злые. А твоя Зоя тяжелее карандаша ничего не поднимала. Да и отцу твоему не глянется, – рассуждал Матюша после того, как взволнованный Петр рассказал ему о неудачном свидании.

Часы показывали половину двенадцатого ночи. В квартире было темно: все уже давно спали. И только Петр и Матюша перешептывались, лежа в кроватях.

– Напрасно я с тобой поделился, – посетовал Петр, услышав ответ земляка, – Ты ничего не понял. Я же не кухарку нанимаю, к твоему сведению. И при чем здесь отец? Кстати, не вздумай передать кому-нибудь из деревенских, а то пойдут разговоры...

Матюша пошевелился в своей старенькой кровати, и она жалобно закрипела, как будто пожаловалась.

– Да не бойся, не разболтаю. И кому я могу рассказать? Николаю? Он, кстати, расспрашивал о вас, когда вы так неожиданно удрали. Сдается мне, что он тоже глаз положил на твою Зою. Так что ты учти...

– Что я должен учитывать? – Петр приподнялся на локтях, чтобы посмотреть Матюше в лицо. – Она сама должна выбрать, он или я.

– Как же, будет она выбирать после того, как ты ее обидел.

– Да чем же я ее обидел? – воскликнул Петр. – Всего лишь поцеловал. Это преступление?

– Не преступление. И вообще, она много о себе воображает, твоя Недотрога.

– Мне не нравится, что ты так отзываешься о Зое, – возмутился юный влюбленный. – Ты-то почему беспокоишься? Первый блин всегда комом. Она придет на урок, и я поговорю с ней. Объясню, что я ничего плохого не хотел.

– Ага, значит, унижаться будешь? – зевнул Матюша.

– Почему унижаться? – не понял Петр. – Она все поймет.

Очевидно, сосед придерживался другого мнения.

– Не поймет. Девчата, как вобьют что в голову, так никакими силами не выбить. И твоя такая же. Ты лучше, Петя, не разговоры разговаривай, а дай ей понять, что она – не одна единственная на свете. Пусть задумается, какого парня теряет.

Петр промолчал: эх, разве поймет Матюша, что Зоя – одна единственная, что он до оторопи боится ее потерять. Он готов на все, чтобы вымолить прощение, – возможно, он действительно поторопил события, но это от неопытности.

– Что ты предлагаешь? – спросил он, откашлявшись.

Матюша приблизился к спинке кровати и оказался лицом к лицу с Петром.

– Ты дай ей понять, что тобой и другие девчата интересуются. Она начнет ревновать и бегать за тобой, и тогда позво-

лит не только поцелуи.

– Матюша, перестань! – возмутился Петр, – ты во всем видишь пошлости.

– Дурак, сделай, как я учу. Когда она придет, покажись ей на глаза в обнимку с кем-нибудь из наших девчат – с Танькой, например. Можно и с Манькой. Про Фиону я думаю, не поверит. После урока позовем ее на чай, а там ты в обнимку с Танькой. Позлится немного, но в дальнейшем успех обеспечен.

Петр рассудил, что в словах земляка есть резон, и согласился.

Если бы он знал, что Зоя посчитала себя виноватой в их размолвке, и после долгих раздумий решила попросить прощения у Петра.

– «Все было хорошо и искренне, пока я не начала изображать жеманную барышню, – подумала она. – В отличие от меня Петр не играл в чувства и никого не изображал, а мне не хватило ума и такта, чтобы это понять. Вот и обидела хорошего парня.»

Не думая о том, как она будет объясняться с бароном по поводу своего побега, она летела на урок, как на крыльях. Николай встретил ее приветливо, ничем не напоминая о прошлых событиях.

Против обыкновения, он вполне сносно подготовился, а когда Зоя похвалила его за старание, признался, что вошел во вкус, и французский теперь его не пугает.

– И все это твоя заслуга, Зоя, – произнес он, как бы нечаянно коснувшись рукой ее ладони, – И даже твоя строгость пошла мне на пользу.

И все-таки некоторая недоговоренность повисла в воздухе, как будто пробежавшая между ними черная кошка оставила грязные следы. Николай недоумевал, почему Зоя сбегала с Петром, и почему ему так горько? Из всех знакомых девушек Зоя Новикова менее других подходила на роль его подружки, а о том, чтобы связать с ней свою жизнь, даже речи не было. И все же столько обаяния наблюдалось в облике этой простой девушки из глухого Пошехонья, что молодой человек вынужден был признаться самому себе: он очарован ею.

Не склонный к пессимизму, барон после трезвых размышлений решил преодолеть глупую ревность к этому выскочке Петру и предоставить событиям идти, как им предписано. К тому же сегодня Петр сидел в своей комнате и не спешил показаться.

– «Может быть, они поссорились? Неужели эта деревенщина осмелился обидеть Зою?» – промелькнула мысль и погасла.

Нет, все, что угодно, но студент Силин не был хамом.

– «Возможно, Зоя показала ему от ворот поворот. – размышлял Николай. – В таком случае, мне это на руку.»

Урок пролетел на одном дыхании, и к концу оба развеселились.

– Сегодня я провожу тебя до дома, – заявил барон. – И никакой Петр Силин не помешает.

На лицо Зои словно упала тень, и тусклым голосом она произнесла:

– Да, надеюсь, не помешает.

Декабрьский день закончился быстро: низкое размытое в тучах солнце зашло за горизонт, и город погрузился в сумерки. Один за другим зажигались фонари, и в их свете мелькал тихий вечерний снежок.

Они не успели сложить тетради и учебники, как в комнату заглянул Матюша.

– Здравсьте, чайку не хотите глотнуть на дорожку? – пробормотал он скороговоркой. – У нас сегодня блины и пирог с вязигой.

Николай и Зоя переглянулись. Они оба хотели отказаться, но Матюша смотрел так жалобно, как будто от их согласия зависела его драгоценная жизнь, и они дружно кивнули.

И в этот раз стол накрыли в кухне, Гриша уже восседал во главе стола, а Фиона, кутаясь в шаль, колдовала возле самовара.

– Садитесь, – пригласил их Матюша. – Вот здесь, рядом с Гришей.

– А почему сегодня компания не в полном составе? – поинтересовалась Зоя, усаживаясь на стул, который ей подвинул Николай. – А где же девочки?

Она хотела спросить о Петре, но не решилась. Фиона

и Матюша переглянулись.

– Да бродят где-то, – небрежно отозвалась Фиона и подо-
двинула к Зое тарелку с блинами.

Не успели все присутствующие за столом разобрать бли-
ны, как вдруг в коридоре послышался шум и смех. Дверь
в кухню распахнулась, и внутрь ввалились Таня, Маня
и Петр – но в каком виде! Петр шел посередине, а на нем
с двух сторон буквально повисли медички. Петр обнимал
их, а они, покрасневшиеся от удовольствия, глупо хихикали
и прижимались к нему.

– Привет честной компании! – выкрикнула Таня и хлоп-
нулась на свободный стул.

Не дожидаясь приглашения, она схватила блин и уже
успела откусить от него.

Петр и Маня переглянулись и сели рядом. Все уставились
на них, и общий разговор на некоторое время стих. На лицах
присутствующих читалось недоумение – разве раньше Петр
позволял себе такое? Обычно он держался с девочками-со-
седками подчеркнуто вежливо и даже отстраненно.

Петр осторожно посмотрел в сторону Зои и, встретив ее
удивленный взгляд, продолжил игру. Он наклонился к Мане
и стал что-то шептать ей на ухо. Маня потупилась и стрель-
нула глазами в сторону.

Зое показалось, что они сплетничают о ней, поэтому Ма-
ня так косится и избегает смотреть ей в глаза. И почему она
раньше не замечала, что медички – несерьезные особы, им

палец покажи – он захихикают! А Петр? Неужели она ошиблась в нем, и он такой же неразборчивый, как и многие другие? Как он смотрит на эту Маню, склонился к ней так близко! Ей казалось, что еще немного, и он не устоит перед притяжением ее губ, что они сольются в поцелуе, как на афише в синемаатографе.

– «Ну и пусть, – решила обиженная Зоя, – Я и в сторону этого типа больше не взгляну, и по имени не назову. Если ему нравятся такие недалекие особы, тогда...»

А что «тогда», все же непонятно.

Зое хотелось заплакать: она сдерживала слезы, осторожно щипая себя за пальцы, чтобы боль физическая заглушила ту, что воцарилась в ее душе. Очевидно, так чувствуют себя, когда разбивается сердце...

А за столом никто не обращал внимания на ее раскисшую физиономию. Разговор вертелся вокруг успешных концертов Вяльцевой, приближающихся экзаменов, новых стихов поэта Блока (об этом поведал Гриша), а также о том, сколько будет стоить отопление в зимние месяцы. Зоя слушала, держа в руках чашку с остывшим чаем. Говорить не хотелось: и Вяльцева, и отопление были так далеки от ее повседневных забот. А на поэтические вечера она не ходит, потому что недостает времени. А тут еще эта троица! Зоя не знала, в какую сторону повернуться, чтобы не видеть кого-нибудь из них. Что бы она ни делала, непременно натыкалась на Петра и его развеселых подружек.

Вдруг она почувствовала, что Николай склонился к ее лицу так же близко, как этот несносный Петр к противной Манечке. От неожиданности Зоя застыла, словно соляной столб.

А Николай, сидевший рядом, не видел ее лица: он имел возможность лицезреть только опущенные плечи и согбенную спину. Он заметил, что уверенная в себе строгая учительница сгорбилась после того, как Петр устроил представление с медичками, а в том, что это представление, Николай не сомневался. Он сумел разгадать характер Петра: не такой он человек, чтобы любезничать с девицами на всеобщем обозрении. И вообще все это напоминало представление в ярмарочном балагане.

– Ты в порядке? – полушепотом спросил он у Зои.

От него исходили спокойствие и уверенность, и учительница, в мгновение превратившаяся в опекаемую малолетку, жалобно попросила:

– Проводите меня пожалуйста домой, Николай. Прямо сейчас.

В этот момент общий разговор внезапно стих, и Зоину просьбу услышали все. Петр на некоторое время оторвался от своей Манечки и замолчал на полуслове. Барышня уже дергала его за рукав, а Петр неотрывно наблюдал за Николаем и Зоей, как барон элегантно подает ей пальто и перчатки. Он кусал губы от досады, сожалея о том, что пошел на поводу у Матюши.

Глава 17

Прошла неделя. Зоя сказала, что больная и на уроках не появлялась, оставив Николаю задание, которого должно было хватить на время ее мнимой болезни. Про себя она решила не переступать порог квартиры на Сенной, а продолжить занятия у себя дома. Она боялась, что ежедневные уроки музыки с бесконечными «и-раз, и -два, стаккато, ларго модерато», помешают им, однако Павла Семеновна, занятая устройством личной жизни, почти распустила своих учениц, и в съемных меблированных комнатах, где проживали Новиковы, воцарилась дневная тишина.

Чтобы не думать о Петре, Зоя загрузила себя работой. Кроме обязательных часов в отделении, она нанималась ухаживать за тяжелыми больными и возвращалась домой поздно, когда уже все спали. Она уставала до такой степени, что ей даже сны не снились: коснувшись щекой подушки, она сразу же проваливалась в немыслимые темные глубины.

За это время ее лишь однажды навестил Николай под предлогом того, что тексты уже прочитаны, и «не приготовила ли мадемуазель ле профессор что-нибудь потруднее?»

– Хотите потруднее? Извольте, – Зоя вытащила из книжного шкафа потрепанную брошюру и передала барону. – Это из Гюго. Вам будет нелегко, но, если Вы одолеете этот отрывок, немедленно попросите продолжение.

Николай напряженно вглядывался в лицо Зои: она утверждала, что больна, но никаких признаков не было видно. Получается, болезнь мадемуазель надуманная? Он вспомнил последний визит Зои, урок, чаепитие, а вследствие этого всплыло странное поведение Петра Силина. И что ему стукнуло в голову явиться в обнимку с медичками? Возможно, это розыгрыш? После эпатажа недельной давности он не оказывал знаков внимания ни Тане, ни Мане. Николай задумался – получается, Зоя неравнодушна к Петру?

А она выглядела грустной и задумчивой, и Николай поспешил откланяться.

Весь следующий день Зоя провела на практике в Маринской больнице на Литейном проспекте. Это была обычная городская больница для бедных: в бюджете столицы никогда не доставало денег для подобных учреждений, поэтому нехватка в живой силе приводила к тому, что работа шла в основном за счет добровольцев и практикантов.

Зое нравилось на практике, несмотря на нервную и грязную работу. Она искренне сочувствовала страдальцам и пыталась помочь, делая для этого все возможное. Окружающие недоумевали порой: как это получается? Сестра Зоя Новикова слыла молчаливицей, не поддерживала разговоры на личные темы, не гладила по голове больных, да и держалась с ними холодно и отстраненно, а больные относятся к ней по-доброму. Может быть, причина в том, что у Зои Николаевны золотые руки? И уколы, и процедуры она выполняет ловко

и безболезненно.

Нынче Зоя задержалась почти до восьми часов вечера. В декабре темнеет рано, и, если бы не расплывчатый свет фонарей, она пробиралась бы наощупь вдоль ограды большого сада, увязая в снегу, пока не выползла бы на проспект, где ее вид испугал бы извозчиков.

Но городское освещение работало исправно, и подобные жертвы не понадобились. Она осмотрелась, задержавшись у выхода, и двинулась по натоптанной дорожке все к тому же проспекту. Зоя не собиралась брать извозчика – накладно, да и до дома недалеко, по Литейному, затем свернуть на Владимирский, а оттуда пробежать по переулку несколько метров от Кузнечного рынка.

Падал снег, кружась в свете фонарей, словно рой белых ночных бабочек, подгоняемые легким ветерком. Зоя сделала несколько осторожных шагов по накатанной дорожке: из-под ее каблучков раздавался хруст, похожий на хруст капустных листьев. Она спешила: где-то впереди, в десяти метрах от нее шли по тротуару люди, звенели трамваи, слышались звуки клаксонов автомобилей. Это чудо современной техники нечасто встречалось в российской столице, и счастливые владельцы нарежали круги по вечерним улицам, провожаемые завистливыми взглядами пешеходов.

Вдруг она услышала какой-то шорох позади себя. Кто-то тихо позвал ее по имени. Или это ей показалось? Или это ветер шепнул: «Зоя?» да еще с какими-то вопросительными

интонациями!

Она остановилась. Тихий зов повторился – значит, все-таки не ветер!

Зоя обернулась и увидела темную фигуру, появившуюся из-за темных кустов – короткое пальто, зимняя шапка, портфель и цилиндрический тубус, в котором студенты – технари хранили чертежи. Молодой человек вышел из тени, и она узнала Петра.

Как все оказалось просто – вся муть из глубины ее души уплыла в неизвестном направлении, унесенная волной радости, возникшей при его долгожданном появлении. В голове крутилась мысль о том, что он ее нашел, значит, скучал без нее, беспокоился.

Если бы она знала об этом раньше, не возникло бы чувство опустошенности и невозвратной потери, которое сожгло ее изнутри. Целую неделю она мучилась от этого, не надеясь на хороший конец. И вот такой сюрприз – Петр здесь!

Тени, отбрасываемые ветвями деревьев, которые росли вдоль дорожки, не позволяли рассмотреть лицо Петра: он не улыбался, а смотрел серьезно и немного грустно, и тогда Зоя улыбнулась первая.

Плотина сомнений, непониманий и недоговоренности рухнула, и они оба бросились в объятия друг к другу.

Волна радости в душе Зои сменилась волной восторга, а затем шторм поцелуев настиг их обоих. Портфель, тубус с чертежами и Зоина сумочка упали в снег, однако нашей

парочке было наплевать на учебники и чертежи.

Очевидно, волны, накатившие на их сердца, переросли в шторм: колени у обоих подломились, и они упали в снег. Поцелуи со вкусом снега – это было волшебно! Прохладная свежесть губ, румянец щек – словно снегири слетелись с веток – и ледяные прикосновения замерзших пальцев: и все же Зоя, не веря себе, думала о ерунде – о том, что она выглядит неаккуратно, извалявшись в снегу.

Петру на это было наплевать: он сам походил на снеговика, но не переживал по этому поводу. Они целовались и целовались, глядя в высокие темные небеса.

Наверное, ангелы в это время смотрели на них и улыбались: они-то знали, что счастья Петру и Зое отпущено всего ничего.

Глава 18

Внешне ничего не изменилось: Зоя регулярно приходила заниматься с бароном, и к концу января «немой» заговорил. Не помешали и два родных языка для того, чтобы третий занял свое место в его голове. Теперь барон мог сносно объясняться на улицах Парижа и Бордо.

– В начале наших занятий у меня в мозгу была мешанина, а теперь все разложено по полочкам, и французская заполняется постепенно, – Николай произнес эти слова не без гордости. – И все благодаря тебе, Зоя.

– Скажу откровенно, иногда мне хотелось применить телесные наказания на наших уроках, – внезапно заявила Зоя и засмеялась.

– Ты меня просто спасла от исключения. А так есть шанс помириться с отцом, – Николай пристально посмотрел в ее глаза и неожиданно для себя рассказал о перипетиях, подкарауливших его по приезде в столицу. Он не скрыл и приезд отца, и его отказ в субсидиях, и то, что зарабатывает на жизнь, бегая по урокам. И даже о том, что скрывает от соседей по квартире истинное положение вещей, играя роль кутилы.

– Бонвивана? – машинально уточнила Зоя.

И Николай так же машинально кивнул головой: все-таки он не зря занимался вечерами.

Они сидели вдвоем в его комнате, лампа горела вполнакала, и сумерки, царящие в комнате, сливались с сумерками за окном. То ли полумрак, то ли откровения барона наводили на грусть – разговор почти не клеился, кроме того, Зоя присушивалась к шагам в коридоре, стараясь не пропустить приход Петра. Внезапно она поняла, что его светлости уроки не нужны, и он ищет предлог объявить ей об этом. Она вздохнула: если это случится, то встречаться с Петром им будет затруднительно. И что тогда делать?

Выводы, сделанные ею наспех, были далеки от истинного положения вещей, как северный полюс от южного. Напротив – Николай находился в смятении и не собирался отказываться от уроков. С одной стороны, уроки являлись отличным предлогом видеть Зою хотя бы дважды в неделю, а с другой, он боялся выглядеть тупицей в глазах девушки, которая ему безумно нравилась.

Он замолчал на полуслове, раздумывая, как ей сказать, что он в ней души не чает. Сказать? А, может быть, не говорить ничего? Он впервые в жизни не знал, как себя вести с девочкой, моложе его на пять лет

Барон снова вздохнул, и насколько проще было с Фионой, но актриса – это уже пройденный этап: Николай даже и не вспоминал об их романе, не затронувшем его сердце. А с Зоей надо объясниться, и чем скорее, тем лучше.

Николай, помедлив, взял ее пальцы в свою ладонь. Он погладил ноготки, похожие на лепестки маргаритки, и поднес

их к губам. Зоя вздрогнула, ощутив на своей коже теплое дыхание Николая. Ее сковал страх: никогда барон не позволял себе так себя вести с «мадемуазель ла профессор». И что же изменилось? Почему сейчас он буравит ее глазами?

Внезапно она похолодела внутри: неужели барон в нее влюбился? Это почти невероятно, но как по-другому истолковать поведение молодого человека? И эти вольности... Она прикусила губу: придется объясняться с Николаем, а, возможно, и с Петром, если он узнает...

– Зоя, – начал Николай, – я хочу с тобой поговорить.

Зоя насторожилась, и в ее глазах отразился испуг. А вдруг она ошибается, и барон вовсе не влюбился в нее, а хочет отменить уроки? Впрочем, о любви тоже не хотелось слышать: в этом случае она будет вынуждена что-то ответить барону – он из тех людей, кто сразу расставляет все точки над «i».

Тиканье часов не успокаивало, а заставляло сердце стучать быстрее, и Николай решился.

– Ты знаешь, как я к тебе отношусь? – спросил он.

Он поймал себя на том, что его хваленое красноречие куда-то испарилось, и для начала он сделал главную ошибку – передал инициативу Зое. А если она скажет, что относится к нему плохо? Возможно, ее тошнит от его тупости на уроках, и она терпит его только из-за денег.

Николай откашлялся, чтобы продолжить, но тут заговорила Зоя.

– Ты полагаешь, тебе больше не нужны мои уроки? – спро-

сила она безнадежно. – Твое дело, Николай. Я...

Она хотела сказать, что была рада помочь, возможно, добавить еще что-нибудь ободряющее, но вместо этого попыталась освободить руку из крепких пожатий барона. Николай заметил ее поползновение и пресек его, схватив ее обе руки. Он подумал, что становится похожим на неизменного красавца с рождественских и пасхальных открыток – те же жесты, та же поза —остается объяснение с букетом цветов. Вот так история: букета нет! Впрочем, ярко – красный бальзамин в горшочке на окне вполне подходит к случаю.

Размышления о цветах успокоили его, и красноречие вернулось.

– От твоего ответа многое зависит, Зоя, – он выпалил, словно нырнул с вышки, – ты мне нравишься. Наверное, ты давно догадалась об этом.

Зоя смотрела растерянно, и Николай понял, что не догадывалась, потому что никогда не думала о нем, и только Петр Силин царит в ее сердце.

Не надо было заводить разговор: Петр не скрывал, с кем ходит в свободное время на каток и в синематограф, да и соседи в отсутствие последнего перемывали ему косточки, а заодно и Зое. Не надо было, но барон Фридерикс – младший не привык отступать.

А Зоя не верила своим ушам, находясь в ступоре: она никогда бы не подумала, что ее особой заинтересует не мальчишка – ровесник, а взрослый человек, старше ее на целых

пять лет. Откровенно говоря, во время уроков она чувствовала себя немного напряженной, боясь, что в один прекрасный день барон обнаружит узость ее кругозора по причине небольшого жизненного опыта. Она робела перед ним, и даже загулы, о которых по очереди поведали и медички, и Фиона, и Марфа Петровна, не заставили ее относиться к нему по-другому.

– «Только хорошие люди совершают ошибки: они слишком доверчивы,» – подумала она тогда.

Ей хотелось помочь Николаю удержаться на факультете, поэтому она не скрывала симпатии к великовозрастному ученику. И что же получается? Его светлость принял ее доброе отношение за влюбленность?

Зоя молчала. Она так и не придумала, что ответить. А Николай, так и не дождавшись от нее ни слова, вскочил и, проворботав, про себя «Все ясно», вышел из комнаты.

– Николай, куда же ты? – крикнула ему вслед опешившая Зоя, но барон подхватил на ходу пальто и шляпу и пулей вылетел из квартиры.

Зоя осталась одна в дверях его комнаты и растерянно смотрела в коридор. А туда по очереди уже выглядывали из всех дверей постояльцы. Они уставились на Зою с крайним любопытством, а неугомонная Фиона спросила:

– Ну что, поссорились? Не бойсь, милые бранятся, только тешатся.

Медички хохотнули, Гриша неопределенно покачал голо-

вой, а Матюша прищурился и пристально посмотрел на Фиюну.

– Делать вам нечего, – разозлилась Зоя и с силой захлопнула дверь. Она не видела, как переглянулись Матюша и Фиюна, и актриса кивком пригласила его зайти.

Глава 19

Непонятно, что связало двух столь разных людей, как богемно – артистическая дива и простой крестьянский парень, но тайный роман Фионы и Матюши продолжался уже около месяца. Ни Петр, ни остальные ничего не подозревали: любовники вели себя осторожно, и в присутствии остальных большей частью пикировались. Иногда их взгляды, как стрелы дикаря, пересекались из одного конца коридора до другого, и в глубине зрачков вспыхивал озорной огонь.

Матюша, боготворивший «страдалицу» Глашу, не считал связь с Фионой за измену: актриса чем-то напоминала деревенскую красавицу. Возможно, его и оттолкнули бы вульгарные манеры последней, но яркая красота Фионы дразнила его воображение. Матюша не заметил, как прикипел душой к соседке, хотя, обнимая ее, представлял в своих объятиях Глашу.

Фиона не была влюблена в Матюшу, и причина была не в его деревенском происхождении: по правде говоря, она тоже не во дворце родилась. Дело в том, что Матюша, будучи ее моложе на целых четыре года, смотрел ей в рот и не смел возражать даже, когда питерская красотка намеренно говорила заведомые глупости.

Сначала Фиону это бесило, а затем она смирилась и дала зарок на будущее никогда не связываться с малолетками.

Именно на будущее, потому что в настоящем ей нужен был Матюша.

Фиона первой оценила опасность, исходившую от Зои — эта способна отбить всех парней в квартире! Понятно, до всех неудачливой актрисе и дела не было: она не обращала внимания ни на давно знакомого Гришу, ни на старательного в учебе Петра. Даже Матюша до поры до времени ее не интересовал.

Сценическая дива из передвижного театра так и не сумела выкинуть из головы воспитанного и немного бесшабашного барона. Ошибался, ошибался Николай, полагая, что окончание их романа прошло для подружки так же безболезненно, как и для него. В присутствии посторонних они вели себя, как супруги со стажем, уставшие от семейной рутины. Впрочем, занятые добыванием денег, они редко виделись, и это обстоятельство облегчало Фионе сосуществование в одной квартире: она давно уже отбросила мысль найти другое жилье, привыкла к уютной комнате у Марфы Петровны.

Кроме того, она надеялась, что когда-нибудь Николай оценит ее преданность и вернется.

Фионе было невдомек, что в обычной обстановке, в домашнем халате и с папильотками в волосах, она не вызывала в бывшем поклоннике чувства восхищения. А запах табака, просачивающийся из ее комнаты, заставлял Николая мчаться к себе со скоростью новомодного авто.

И сегодня, когда медички склонились над учебниками,

поставив рядом неизменный кулек с семечками, Гриша отправился на журфикс в поэтический салон Аиды, а Петр еще не вернулся с вечерней работы в депо, Матвей проскользнул в комнату актрисы.

Она встретила его как обычно – в атласной хламиде, с рассыпавшимися по плечам локонами и неизменной пахитоской в длинном мундштуке. Она втащила Матюшу внутрь и швырнула на диван, словно игрушку. Матюша, привыкший к эксцентричным манерам подруги, немного обалдел от ее стремительного напора, но послушно обнял ее, когда она опустилась и прилегла сбоку.

– Ну, ты наблюдал эту прелестную сцену? Николаша-то выскочил, как ошпаренный! – заметила Фиона. – И где он теперь бродит?

– А тебе не все равно, где барон проводит вечера? – удивился Матвей.

Странно, никто не доложил Матюше о предшественнике.

– Ты же знаешь, он то на вечеринках, то в ресторанах. Коли денег куры не клюют, так чего же не гулять. – продолжил он, целуя локоть ее нежной руки.

Фиона потушила окурок о край металлической пепельницы и нервно отстранилась для того, чтобы достать новую пахитоску из коробки, расписанной в восточном стиле.

– Ты не обо всем осведомлен, малыш: барон беден, как церковная мышь. – заявила она, прикуривая. – Это он перед нами фасон держит. Думает, никто не догадывается, что ве-

черами он работает, а не просаживает деньги в игорных домах и ресторанах.

– Да? А я слышал...

– Я же говорю, спектакль разыгрывает.

Матюша задумался, и Фионе показалось, что с непривычки его мозги закрипели, как немазаная телега.

– А ты-то чего всполошилась? – повысив голос, спросил он. – Ну, зарабатывает, хотя ему по чину не положено, ну так ведь не ворует.

– Не кричи! – шикнула Фиона. – Необязательно оповещать всех присутствующих о нашей... дружбе.

Дальше вечер пошел по накатанной.

– А ведь ты, Матюша, терпеть не можешь земляка своего, Петю, – высказала предположение Фиона, проводя пальцами по его щеке.

Она смотрела на него пристально, словно хотела вложить свои мысли в его голову. Матюша дернулся, и она поняла, что угадала.

– Как ты? – спросил он, отстраняясь.

– Как я догадалась? Ну, это нетрудно. У тебя все на лице написано, милый. Ты ему завидуешь? А, может, ты тоже на Зою глаз положил? Тогда скажу: напрасно, она втюрилась в Петечку, и даже барону дала от ворот поворот. Не делай такие глаза – с чего бы ему убежать из дома после разговора с ней. Одно радует: уроки прекратятся, и эта мамзель у нас больше не появится.

– Да, не появится, как же. – засомневался Матюша.

Лежать на старом диване было неудобно, несмотря на обилие подушек, подушечек, думок и мягких игрушек. Матвей дернул на себя покрывало и чуть не опрокинул пепельницу, которую Фиона неосторожно поставила рядом.

– Мне мадемуазель никогда не нравилась, ты же знаешь, – заявил он, – приходит или нет, меня это не волнует. А Петьку я и в самом деле терпеть не могу. Почему, я тебе не скажу, это наши с ним счеты, еще с деревни.

– Козу не поделили? – усмехнулась Фиона, наливая вино в стаканы.

– Да при чем здесь коза? – отмахнулся Матюша. – Силыны богато живут, они и скотиной-то не занимаются, у них батраков полно.

– Завидуешь?

В зрачках молодого человека сверкнул недобрый огонек: Фионе стало не по себе. Она подумала, что кажущийся малохольным Матюша не так прост, и лучше с ним дружить.

Зависть – страшная штука, она может подвигнуть на такие мерзости, о которых противно упоминать. Впрочем, надо включить мозги и использовать чужую зависть для собственной выгоды.

– А ведь мы можем подгадить и Петру, и мамзель, – загадочно улыбаясь, произнесла Фиона, садясь рядом и запустив пятерню в волосы Матюши. Она взъерошила их, а потом наклонилась и впиалась в его рот долгим поцелуем.

– Что я должен делать? – спросил он, обнимая ее за талию и приближая к себе.

– О, в придуманной мною пьесе твоя роль главная, и, если мы сыграем нашу партию, как по нотам, мы никогда не увидим в этой квартире ни Зою, ни Петра Силина.

Глава 20

Матюша выполнил свою часть задумки, которую ему обрисовала коварная Фиона – написал письмо Ивану Силину, в котором не пожалел эпитетов для того, чтобы обрисовать поведение

Петра в столице. Он нажимал на то, что их сын связался с «негодной петербургской девкой», и этим позорит уважаемое в округе семейство Силиных.

Зою он представил авантюристкой, выкачивающей деньги из мужчин, безнравственной и недалекой. А в конце приписал, что «сия особа» мешает Петру в учебе, и он уже завалил несколько зачетов.

Письмо было отправлено: оно должно было оказать свое действие как раз после летней сессии. Матюша, зная характер Ивана, полагал, что отец не замедлит прибыть в столицу и приструнит сына. В присутствии отца Петр не решится видаться с Зоей, а там... Как говорится, с глаз долой, из сердца вон: либо Петр забудет свою «принцессу на горошине», либо Зоя, обиженная его невниманием, найдет себе другого.

– «Пусть Петьке будет плохо так же, как мне, когда увели Глашу», – подумал он.

То, что задумала Фиона, было не так просто для выполнения. Она планировала напоить Петра до бесчувствия, а затем под любым предлогом затащить в квартиру Зою и проде-

монстрировать любимого человека во всей красе. Впрочем, продемонстрировать в своих объятиях.

Оставался вопрос: как напоить Петра? Этот деревенский правдолюбец не пил и не курил, а общение с Фионой свел до двух фраз – «доброе утро» и «спокойной ночи». Ее иногда обижало его пренебрежение – тоже мне, рыцарь из Боровиц! На признанную красавицу и талантливую актрису Фиону – ноль эмоций! Она и в глаза ему заглядывала призывно, и задевала бедром в дверях – бесполезно!

Ладно – медички, скучные зубрилки, однако с ними он пьет чай и разговаривает на разные темы. Конечно, если Фиона по-соседски заглянет к ним, то не прогонят, однако специально не зовут.

Ей пришло в голову подсунуть Петру снотворное в чай. А что, неплохая идея! Петр любит хороший чай, особенно китайский, кирпично – красный, со вкусом лимонника. Дело было за малым: достать снотворное и затащить в нужное время Зою. Заманить под любым предлогом.

И вдруг все застопорилось: после неловкого объяснения с Николаем Зоя избегала встреч с ним и перестала бывать у них в квартире. Кажется, ни он, ни она не собирались возобновлять уроки, и Фиона могла порадоваться тому, что соперница устранена без особых усилий, однако она почти пала духом: Матюша смотрел на нее вопросительно – и что же дальше? Как же быть с Петром, чье присутствие раздражало его все больше? Пребывая в мрачном расположении духа,

Матюша не делал попыток помочь или что-то посоветовать своей сообщнице.

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта история, если бы не Викентий Петрович, тот самый ростовщик и кавалер Зоиной матери. Всю зиму он исправно навещал бедную квартирку Новиковых и любезничал со своей нареченной, а с наступлением весны стал приходить реже и реже, пока окончательно не пропал. Настроение Павлы Семеновны упало, словно барометр в ненастный день: она ходила, как потерянная, стараясь избегать расспросов. Пролетели масленица, пасха, а о свадьбе и речи не было.

То есть названная невеста еще до его исчезновения заговаривала о дате, однако ее нареченный находил отговорку за отговоркой, и все оставалось по-прежнему. Пролетел май, наступил светлый июнь, и вот однажды Зоя, вернувшись домой вечером, застала мать в слезах.

Павла Семеновна сидела на кухне за столом. Перед ней стояла пустая тарелка. В доме, несомненно, был ужин – Зоя сама приготовила перед уходом на службу – но мать не позаботилась о том, чтобы разогреть его. Она тупо смотрела в одну точку, не смахивая текущие по лицу слезы.

– Мама? – позвала ее Зоя.

Павла Семеновна медленно повернула голову и посмотрела на дочь пустым взглядом. Зоя бросилась к матери и затормошила ее. Мать казалась безжизненной тряпичной куклой, ее голова болталась из стороны в сторону, а руки повисли

плетями. Видя ее потухшие глаза, Зоя осыпала мать поцелуями.

– Мамочка, что случилось? Где Гриша и Гаврюша? Мама, не молчи.

– Мы дома, – послышался из коридора голос одного из братьев.

Зоя обернулась: в дверях стояли мальчики. Они казались встревоженными.

– Что с мамой? – спросила, чуть не плача, Зоя.

Мальчики переглянулись.

– Мы не знаем, – растерянно промолвил Гриша.

– Она вернулась домой такая и ни с кем не разговаривает. – добавил Гаврюша.

– А куда она ходила? – перебила Зоя и снова стала тормошить мать за плечи, – Мамочка, куда ты ходила? Что произошло?

Все было напрасно: Павла Семеновна оставалась безучастной.

Гаврюша осторожно тронул сестру за рукав.

– Может, это Викентий ее обидел?

Зоя посмотрела на него пристально, ожидая продолжения.

– В последнее время мама расстраивается из-за него, мы с Гришей все видим, только рассказывать тебе не хотели.

– Что не хотели? – насторожилась Зоя.

– А то, что Викентий уже неделю у нас не появляется, –

выпалил Гриша.

Услышав его слова, Павла Семеновна глубоко вздохнула и зарыдала так горько, что утешать ее бросились сразу трое.

– Зоенька! Доченька! – воскликнула, наконец, мать. – Несчастье-то какое!

И она снова зарыдала.

– Все пропало. Не будет у нас ничего – ни денег, ни квартиры. Мы так и помрем нищими. О, господи, за что?

Зоя и мальчишки переглядывались в растерянности, ожидая, что мама продолжит изливать свою беду, однако она молчала.

– Мамочка, не пропадем, – обняла ее дочь, – Я работаю, да и братики уже бегают по урокам. Шиковать не сможем, а выживем. А там братья закончат гимназию. Не плачь, мамочка, ну его, этого Викентия – он нам никогда не нравился.

Она гладила мать по голове, и мальчишки протягивали ладони, чтобы дотронуться до маминой руки. Павла обвела взглядом всех троих и выпалила:

– Он обобрал нас, обобрал до нитки. Помнишь, пообещал золотые горы, если я куплю акции Волжского пароходства? – она обернулась к Зое.

Та молча кивнула.

– Это была ложь с самого начала: он никуда деньги не вкладывал, а присвоил.

– Как присвоил? – спросила Зоя потухшим голосом.

Ее сердце провалилось куда-то в пятки: в последнее время

под разными предлогами мать выпросила у нее все отложенные деньги. Она обещала вернуть, ведь Зоя копила на продолжение учебы, а теперь планы на ближайшее будущее рухнули.

– Зоенька, прости, прости ты меня, глупую – я не только эти проклятушки несуществующие акции купила, я еще какие-то бумаги подписала, и мы остались должны банку, – мать вцепилась в платье дочери, словно утопающая.

– Сколько? – обреченно поинтересовалась Зоя.

– Десять тысяч, – выдохнула мать, и Зоя почувствовала, как у нее закружилась голова от нереальности происшедшего.

Глава 21

Узнав, в какую денежную пропасть внезапно упала их семья, Зоя решила действовать. Она разогнала братьев по комнатам, уложила мать в кровать, предварительно напоив чаем, а сама отправилась к Викентию Петровичу. Он жил на Гончарной улице, неподалеку от вокзала, откуда уходили поезда на Москву.

Было прохладно по вечернему времени, но так светло, что, казалось, впереди еще длинный день. Аромат сирени плыл над городом, усиленный повисшей в воздухе влагой. Со стороны Финского залива дул ветер, он подгонял стаю белых облаков, и они, словно нарядные белые яхты в порт, торжественно вплывали в город.

На улицах и площадях было столько гуляющих, что, казалось, все население покинуло дома, чтобы полюбоваться белыми ночами. Ну, а если люди вышли погулять, то рано или поздно им понадобятся еда и питье, извозчики и зонтики на случай дождя. Читатель уже догадался, что и магазины, и кафе были открыты; торговцы вразнос бродили среди толпы, а извозчики громко зазывали клиентов.

Зоя, расстроенная сообщением матери, смотрела себе под ноги и хмурилась. Ее сегодня не занимали красоты белой петербургской ночи: она размышляла над тем, что она скажет Викентию. Она не обольщалась относительно его человеко-

любия: тот, кто служит в ссудной кассе, лишен сострадания. Зоя хотела увидеть бумаги, подписанные матерью, из-за которых банк требует у семьи Новиковых неподъемную сумму. А дальше... Насчет дальнейшего она не загадывала, втайне надеясь, что все не так фатально, и Викентий преувеличил насчет долга.

Она позвонила в дверь квартиры Викентия, выходящую во двор рядом с притулившимися дровяными сараями. Ждать ей пришлось недолго: хозяин появился на пороге почти сразу, словно ожидал гостей, хотя по одежде этого не скажешь. Он был в стеганом шлафроке и домашних тапочках, а напомаженные волосы покрывала сетка. Увидев Зою, Викентий кивнул головой и сладко зажмурился, словно изнеженный домашний кот, и предложил ей войти.

Ранее Зое не приходилось бывать у Викентия Петровича в квартире, и она поразилась несоответствию узкой темной прихожей, заставленной шкафами, набитыми всякой всячиной, и ухоженной гостиной. Правда, и здесь господствовали шкафы, но в основном это были витрины старинной работы, и через их стекла виднелись фарфоровые сервизы и фигурки, серебряные кофейники и сахарницы; множество шкатулок всех видов и форм, хрусталь и бронзовые статуэтки. Одна из статуэток поразила ее воображение: мерзкий рогатый сатир с козлиными ногами тащил на себе обнаженную красавицу.

А Викентий Петрович засуетился, предлагая гостье крес-

ло, затем предложил чаю, мол, «самоварчик только что согрелся», но, получив ее отказ, перестал дергаться и внезапным ледяным тоном произнес:

– А Вы ведь не чай пить сюда пришли под вечер, любезная барышня. Вы пришли узнать о том, что у нас происходит с Вашей маменькой, не так ли? Поэтому Вам лучше выпить это.

Он достал из шкафчика фляжку и сделал из нее глоток.

– Хороший коньяк, – пояснил он. – Шустовский, не хуже хваленого французского. Ну что, налить Вам?

Зоя при виде фляжки вспомнила Плюшкина с его ликерчиком, в котором плавали мухи, и поспешно отказалась.

– Жаль, – отметил хозяин дома. – Коньяк помог бы нам продуктивно вести беседу.

Коньяк ли тому причиной, но Викентий Петрович вдруг преобразился, превратившись из ленивого домашнего котика в азартного котяру, сидящего в засаде и поджидающего глупую голубицу, спешащую поклевать брошенную кем-то булку.

– Вы что-то хотели сказать насчет моей маменьки, – начала Зоя.

Она откашлялась и продолжала более уверенным тоном.

– Меня не волнуют Ваши взаимоотношения: растаетесь Вы или нет, но мама сообщила мне, что Вы заставили ее подписать какие-то бумаги, и теперь наша семья должна Вам

огромную сумму. Объяснитесь, сударь, что это значит?

Ее собеседник сделал еще глоток и снова изменился лицом: он стал похож на Барсика, поймавшего мышь, и самозабвенно играющего с ней.

– Да полно, милая Зоя, уважаемая Павла Семеновна, как всегда, преувеличивает – какая сумма? Какой долг? Все можно решить сегодня вечером, и Ваша семья может спать спокойно.

– Да? – воскликнула девушка обрадованно и вскочила с кресла, но хозяин жестом усадил ее обратно.

– Я не сказал, что все решено. Я имел в виду, что все можно решить, если Вы захотите, конечно.

Он выделил слово «можно», и Зоя застыла в недоумении, ожидая продолжения.

– Что Вы так смотрите на меня, словно ничего не понимаете, милая барышня? Вы же сами пришли ко мне в столь поздний час, прекрасно зная, что я живу один, так что же Вы?

Зое показалось, что кто-то протирает запотевшее окно ее воображения, и проявляется отвратительная картина окружающего.

– Вы полагаете, я пришла к Вам, чтобы... – осторожно произнесла она, и Викентий положительно кивнул.

Он отставил фляжку и приблизился к Зое. Она поднялась с кресла и отступила в сторону, но Викентий схватил ее и притянул к себе. Он приподнял ее голову за подбородок

и насильно поцеловал, несмотря на сопротивление. Грубые манеры ростовщика были ей противны, к тому же от него отвратительно пахло сладковатым бриллиантином. Зоя взвыла от досады и отвращения и снова попыталась вырваться, но Викентий заломил ей руки и вlepил короткую болезненную пощечину. Жуткая боль затмила все уголки ее сознания, и Зоя перестала сопротивляться.

Она очнулась в объятиях Викентия, и ужас охватил ее. Сопротивляться она не могла: страшно болела голова от удара, и каждое движение только усиливало боль. Она старалась мысленно отрешиться от ласк мерзавца, говоря себе, что все когда-нибудь закончится, что не надо ни о чем думать, и не казнить себя за опрометчивость. Сейчас она и вся семья во власти негодного ростовщика, но придет время, и тогда... Зоя на секунду представила, что ее обидчика сжигает небесный огонь, и ей стало спокойней, а, вообразив обугленную кожу, расплавившиеся черты лица и горящие вместе с дурацкой сеткой остатки его волос, Зоя неожиданно расхохоталась.

Викентий, оглушенный ее смехом, отпустил ее.

– Неплохо для первого раза, – заметил он. – Я всегда предполагал, что ты еще ни с кем... Но ты быстро учишься, вон как возбуждающе смеешься.

Зоя замолчала и, оттолкнув Викентия, присела на краешке кровати. Ее одежда, сбившаяся в жалкий комок, валялась

у ее ног, словно обиженный щенок. Зоя подняла сорочку и набросила на себя. Все время, пока она одевалась, Викентий лежа наблюдал за ней, как торопливо застегиваются пуговицы и крючки, как приглаживаются локоны под зажимом шпилек и булавок, как обтягивают стройные ноги прозрачные чулки.

Одевшись, Зоя медленно подошла к столику, на который Викентий поставил фляжку, и сделала большой глоток.

Викентий приблизился к ней со спины и, обняв, повернув к себе. Он поразился, заглянув в глаза очаровательницы, которая несколько минут назад была полностью в его власти – они были пусты: казалось, Зоя смотрит на него и ничего не видит. Или она смотрит внутрь себя?

И тут случилось неожиданное: Викентий со слезами упал перед Зоей и, обнимая ее колени, выкрикивал бессвязные слова о том, как он увидел ее впервые еще гимназисткой, в простенькой школьной форме, как бродил возле ее дома, а потом нашел способ достичь желаемого, познакомившись с ее матерью.

– Вы гнусны вдвойне, сударь, – ледяным тоном произнесла Зоя. – Вы дали надежду моей бедной маме и обобрали нашу семью. И для чего все это? Для удовлетворения похоти? Да Вы убили меня, раздавили, как мальчик давит майского жука.

– Нет, нет, – надрывался Викентий. – Я озолочу тебя, Зоя. Все, что я копил, станет твоим, если ты хотя бы попробуешь

полюбить меня. Я же еще не стар, Зоя, мне всего сорок семь, я смогу сделать тебя счастливой.

Он протянул руки к ее талии, но Зоя пребольно ударила его костяшками пальцев. Это отрезвило Викентия – он, не говоря ни слова, поднялся с колен и открыл ящик инкрустированного бюро. Порывшись в его содержимом, он достал пачку каких-то бумаг, перевязанных ленточкой.

– Бумаги, которые подписала твоя мать, – деловито произнес он и достал один лист. – Держи, миленькая, заслужила. Но помни, остаются еще девять. Будешь приходить ко мне дважды в неделю по понедельникам и четвергам, мне так удобней. А потом, глядишь, и расстаться со мной не захочешь, сладенькая моя.

Зоя вырвала бумагу из его рук и двинулась к выходу. Викентий ее не задерживал.

Глава 22

Если Матюша полагал, что, получив письмо, Иван Силин сорвет Петра с учебы, то он глубоко ошибался. Отец прекрасно знал характер обоих парней: прямой – Петра и подленький – Матюши Волунова. Он не поверил писанине и, более того, решил рассказать Петру о навете. Он допускал возможность того, что сыну понравится петербурженка, но никакая краля или красotka не собьет его с выбранного пути. Посомневавшись немного, он посоветовался с Ксенией, предварительно показав ей письмо. Прочитав Матюшину цидульку, Ксения не на шутку разозлилась: она даже приготовилась идти объясняться с матерью «подлого обманщика», но вовремя сообразила, что та скорее всего не в курсе его сочинений.

Иван не снизошел до ответа Матвею, а сыну написал, как обычно, передавая приветы от сестер и соседей.

Тем временем Фиона ужом вилась вокруг Петра, но план напоить его не срабатывал. Во-первых, Петр не употреблял спиртное, а во-вторых, некому было показывать «гнусного пропойцу» – Зоя исчезла.

Она без объяснения причин перестала давать уроки Николаю и не пришла на свидание к Петру. Парни ходили мрачные, не решаясь заговорить о Зое: каждый подозревал другого в том, что барышня отдала предпочтение сопернику. Ни-

колай подумал, что виной его неудачное объяснение, а более молодой и менее уверенный в себе Петр винил себя в том, что девушке попросту наскучило с ним.

Ну что поделать, если его язык не так хорошо подвешен, как у поэта Гриши, например! Он не может постоянно целовать барышне ручки и падать на колени: кстати, с Зоей этого не понадобилось. Он был уверен в искренности своих и Зоиных чувств, в том, что и она переживает то же самое, и по жизни они пойдут, взявшись за руки. Надо только закончить учебу, чтобы не зависеть материально от родителей. Он даже сходил в Кузнечный переулок, где жила Зоя, но дверь ему не открыли. Петр решил, что навестит ее еще раз после экзаменов.

Однажды вечером Фиона возвращалась домой из магазина, где служила продавщицей. Она припозднилась, обслуживая капризную клиентку, да и настроение упало после того, как эта мадам «из грязи в князи» пожаловалась приказчику на то, что руки продавщицы холодные.

– «Как будто не в Петербурге живем», – с горечью размышляла Фиона. — «Надо же, июнь, белые ночи, а холодина такая, что и в жакетке зябко.»

Она съежилась под тонкой вязаной кацавейкой. На небе собирались тучи, казалось, вот-вот хлынет дождь, и даже одна капля упала ей на ладонь. Фиона чертыхнулась и припустила к дому.

И все-таки ливень застал ее, внезапно обрушившись на го-

род. По мостовым побежали ручьи, а с крыш по водосточным трубам стекали потоки, напоминающие очередное питерское наводнение. Прохожие прятались под козырьками и маркизами, и Фиона вместе с остальными втиснулась под навес.

Черт занес ее на Гончарный переулочок – казалось, пробежит дворами до Николаевского вокзала, а там возьмет извозчика. А теперь вот стой и жди, пока дождик прекратится. Она посмотрела на часы: половина десятого вечера. Светло, как днем, и, если бы не раскрылись хляби небесные, было бы еще светлее. Во всяком случае Фиона может прочитать вывеску на противоположной стороне. Скучая, она рассмотрела номер дома, название магазина, а вот надпись «Ссудная касса», буквы небольшие. Наверное, нуждающиеся в ссуде и так знают дорогу в это заведение.

Фиона насторожилась: ей показалось, что из помещения ссудной кассы вышла Зоя Новикова. А эта что здесь делает? Неужели и ей пришлось обратиться к услугам ростовщика?

Через секунду стало понятно, к каким именно услугам. Следом за барышней на улицу выскочил невзрачный пожилой господин с зонтиком в руках. Одной рукой он поднимал зонтик над головой Зои, а другой пытался приобнять ее талию и притянуть к себе. Зоя отпихнула его, но выйти под сильный ливень не решилась. Она осталась под зонтиком и в объятиях неизвестного господина.

– «Ну и Зоя, ну и скромница, – подумала Фиона, – А наши-то дураки, Петька с Колькой, чуть ли не молятся на нее,

а их драгоценная Зоенька – обыкновенная шалава.»

Фиона даже обрадовалась тому, что очутилась в Гончарном переулке, а иначе как бы она узнала о Зоиных шашнях с этим типом? И скука ожидания куда-то пропала. Так интересно наблюдать и замечать мелкие детали, например, то, что рубашка господина неполностью заправлена в брюки. Кроме того, разговаривая с Зоей, он старается прикоснуться к ней. Эти движения едва заметны, но чувства Фионы были обострены – она все замечала и делала выводы.

– «Ну и расскажу я завтра, – радовалась она, предвкушая удивление и разочарование обоих парней. – С кого же начать? С Петьки или Кольки? Начну с того, кто окажется дома».

Воображение рисовало картины того, что барон Николаша оценит, наконец, преданность Фионы: ей бы только вернуть его, а там...

Додумать ей не удалось: дождь закончился, и народ стал разбредаться по своим делам. Фиона отряхнула случайно упавшие капли и покосилась в сторону парочки. Зоя отодвинула от себя кавалера – даже не отодвинула, а отшвырнула, как будто ей на платье случайно упала гусеница. Невзрачного господина не обескуражила ее холодность: он на ходу поцеловал ей руку и крикнул ей вслед:

– Завтра приходи. В то же время.

Зоя не обернулась.

Фионой овладел азарт. Ох, и устроит же она спектакль! Только бы парни были дома! Интриганка даже не пожалела денег на извозчика, чтобы донести поскорее горячие новости. И по лестнице она взбежала, затаив дыхание, и ключ в замке повернула торопливо, но... ее встретил пустой коридор и звенящая тишина.

Ее надежды не сбылись: Петр и Николай где-то пропали. Она налила чаю из остывающего самовара и приготовилась ждать.

Глава 23

Петр не один раз пожалел, что послушал Фиону, и поплелся вместе с ней на Гончарный. Она уверяла, что видела Зою в объятьях неизвестного господина. По ее словам, выходило, что этот тип из подлой породы ростовщиков. Актриса показала и ссудную кассу, и место, откуда вышла Зоя. Фиона постоянно возвращалась к подробностям вчерашнего вечера, как будто смаковала их. Она шла рядом с Петром и заглядывала ему в лицо, желая угадать реакцию на сказанное, но ей это не удавалось: лицо юноши казалось непроницаемым.

– Ты слышал, вчера в газетах было: австрийского наследника убили? – спросила Фиона только для того, чтобы отвлечь спутника от мрачных мыслей.

– Нет, я вчера сдал последний экзамен, – ответил Петр.

Он досадовал на Фиону: тут решается вопрос жизни, а она...

– А кто убил? – он неожиданно для себя проявил любопытство, и утомленная молчанием спутница не замедлила доложить о событиях, произошедших в далекой Боснии.

Вчера лил дождь, а сегодня светило солнце, и белая ночь стояла на пороге, и пух тополей летал по улицам. Если вчера люди спешили домой и прятались от разразившегося ливня, то нынче фланировали по улицам нарядные и беспечные. Улыбки летали по лицам, словно бабочки, перепар-

живая с одних губ на другие. Как было бы хорошо пройти по Невскому с Зоей, объяснить возникшие между ними недоразумения и забыть о них.

– Да мальчишка какой-то, боснийский серб, – продолжала рассказ Фиона. – Вчера писали о драке на Лиговке, а сегодня все газеты только об этом.

– А завтра напишут о новых событиях, а об эрцгерцоге благополучно забудут, – вздохнул Петр.

Он почти не слушал Фиону, думая всласть о Зое.

И все же Петр чувствовал, что не закончится добром их отчуждение, что навряд ли они возьмутся за руки, как раньше. Он явно ощутил пустоту в ладони, которой так и не коснулась Зоя.

Фиона шла сбоку и тараторила без умолку. От обсуждения вчерашних событий она перешла к обсуждению соседней по квартире, процитировала вирши Гриши Ионова, пожаловалась на трудности работы в магазине и капризы покупательниц, которые «сами не знают, чего выбрать».

Внезапно она замерла на полном ходу, и Петр вместе с ней. Фиона кивнула в сторону ссудной кассы.

Да, все было именно так, как она рассказала: из двери вышла Зоя, а за ней пожилой господин. Петр узнал его – Викентий, тот самый, за которого собиралась замуж мать Зои. Петр недоуменно посмотрел на Фиону: кажется, опасения были напрасны.

– Это же ее отчим, – прошептал Петр, не отводя взгляда

от Зои.

– Так значит, она с отчимом амуры крутит, – так же шепотом ответила Фиона.

– А, может, она по делу... – начал было Петр, но в этот момент Викентий Петрович, шедший позади Зои, вдруг потянул ее за руку и повернул к себе. Он по-хозяйски откинул локоны с лица и прилюдно поцеловал ее.

Вероятно, Викентий хотел впиться в губы девушки, однако она успела отшатнуться, и поцелуй пришелся на щеку. Зоя потупилась и провела пальцами по тому месту, где ее только что облизывали губы Викентия, словно хотела смахнуть остатки слюны.

Она, не оглядываясь на Викентия, поспешила вдоль по переулку, а тот, вытирая лысину носовым платком, крикнул ей вслед:

– Зоя, в понедельник, как всегда.

Мир обрушился внезапно, словно карточный домик от легкого толчка, и его обломки накрыли влюбленного юношу с головой.

Петр разрывался между несколькими желаниями – дать в морду Викентию или плюнуть на все и гордо удалиться. И лишь одно он знал точно: разговора с Зоей не избежать. А Зоя шла прямо на него, смотря перед собой, однако, кажется, не видела ни Петра, ни Фиону, ни обтекавших ее со всех сторон прохожих.

Петр не поверил ее отстраненности, решил, что она пы-

тается таким образом избежать тяжелого разговора, и, как только обманщица поравнялась с ним, дернул ее за руку.

Зоя от неожиданности вздрогнула. Она подняла глаза на Петра – ему казалось, что она нисколько не удивлена его присутствием. Зоя и Петр молчали, словно не могли решить, кто начнет разговор.

Поскольку молчание затянулось, Фиона первой открыла рот. Прижимаясь к плечу Петра, она произнесла, кивая в сторону Зои:

– Ну что, убедился? Я же говорила, что мамзель изменяет тебе?

Пока они стояли на тротуаре, все выглядело обычным – и отцветающая сирень, пьянящая своим запахом, как забродивший квас; и извозчики, и прохожие, но для Петра этот прекрасный вечер наполнился ароматом горечи. Хорошо бы выплеснуть накопившиеся в сердце обиды – выплеснуть вместе с криком и слезами, как бывало в детстве, когда набивал шишки. Тогда его всегда утешала мама – отцу он не смел пожаловаться: Иван Силин не любил, когда старший сын демонстрировал слабость или праздновал труса. А сейчас, даже если мама и находилась бы рядом, он не стал бы вешать на нее свои невзгоды. И все-таки слезы предательски готовились брызнуть, поэтому Петр так и замер, не говоря ни слова.

Подбородок Зои дрожал, она выглядела милой обиженной девочкой – ах, если бы Петр не видел своими глазами...

Поскольку оба молчали, Фиона с удовольствием заняла

свое место на авансцене. Впрочем, в данной ситуации она меньше всего походила на актрису, а скорее на базарную торговку.

– Ну, Петруша, погляди, а ты мне не верил. Погляди, погляди, – призывала она, поставив руки в бока.

С актрисы как-то разом слетел ее столичный лоск, даже букву «г» она стала произносить на южный манер, а ее поза, казалось, скопирована с драчливой квочки.

Петр отвернулся: он не хотел больше видеть Зою. В его глазах «Принцесса на горошине» превратилась в жабу.

– Я не буду оправдываться, – прервала молчание Зоя.

Противные слезы уже готовы были вылиться наружу, но девушка, всхлипнув, сглотнула их. Петр ничего не заметил.

– Еще бы она оправдывалась, – подхватила Фиона. И, поскольку на них уже стали обращать внимание прохожие, обратилась непосредственно к ним, – Глядите, люди добрые, сама наворотила делов, а теперь чего-то хочет.

– Ты переигрываешь, Фиона, – произнесла Зоя сдавленным голосом, – Простонародье из тебя так и прет. Ну зачем весь этот спектакль? Зачем ты Петю привела? Хотела показать ему, что я ничего не стою? Так мы и без твоих заморочек не встречаемся. Сколько мы с тобой не виделись, Петя?

Она посмотрела на него строго, и от этого взгляда Петр очнулся.

– Так ты выбирала между мной и этим... типом? Так! Значит, он лучше меня. Во всяком случае богаче, – Петр выпалил это единым духом и бросился бежать, не разбирая дороги.

Вечером он уже сидел в вагоне Московского поезда по дороге к родителям.

Глава 24

Сентябрь 1914 года

– ...Ну я-то ладно, но ты-то, Петруша, год уже отучился, так хотел стать инженером- путейцем. Неужели в семье не нашлось никого для призыва? Да и сам Иван Михайлович мог бы. Война ведь, один Бог знает, как долго она затянется? А вернешься, – уже все забыл, придется снова на первый курс.

– Но ты-то не плачешь оттого, что тебя призвали. Оставь, Матюша, отец уже не подходит по возрасту, брат еще ребенок, а война не затянется, не беспокойся. И учебу я не брошу, а сразу же восстановлюсь после войны. Правда, возможно, придется вспомнить позабытое, но это уже детали.

Петр Силин и Матвей Волунов вместе с другими призывниками в действующую армию переодевались в солдатскую одежду на призывном пункте в Бакаче. Новенькая форма топорщилась на них, не разношенные сапоги блестели, но казались грубыми.

Петр и Матвей посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Чертяка, на кого ты похож? – заливался Матвей, держась за живот. – Храбрый воин Аника.

– А ты-то? Матюша-генерал! – отвечал Петр.

– Может, и дослужусь, Бог даст, – посерьезнел Матвей.

Привлеченные веселой возней, подошли деревенские ребята во главе с Сашкой – их призвали вместе с Петром и Матюшей.

– Это не портупея, это ремень. И подсумок.

Парни заговорили одновременно, показывая друг другу сапоги, рубахи и вещевые мешки из плотной парусины.

– А нитки зачем? – спросил призывник Сашка Бочаров, красивый стройный хлопчик, дальний родственник Матвея. – У нас дома мать и сестры шитьем занимались, а мне невдомек даже, как вдеть нитку в иголку. Смотри, какое ушко маленькое да узкое.

– У меня тоже и мама, и сестры, но я умею и пуговицу пришить, если надо, – вставил Петр. – Как же ты будешь служить без мамы и сестер? Кто пришьет пуговицу бедному Сашке?

И снова смех, привлекий в раздевалку подпрапорщика.

– Строиться! – крикнул он, и призывники засуетились, а те, кто не успел натянуть на себя форму, лихорадочно застегивали пуговицы.

С шумом, гамом, топаньем и хлопаньем дверцами тумбочек и шкафчиков, наконец, построились. Петр стоял в конце ряда – ну что поделать, если ростом он не вышел, ниже него был только Матюша. Первыми стояли Гриша Амелин и его извечный соперник Сашка Бочаров, равные по росту и по силе. Услыхав слова команды, они поспешили оттолкнуть друг друга, но Гриша оказался ловчее, оттеснив Сашку на второе место. И теперь Бочаров исподтишка толкал про-

тивника, пока его маневры не обнаружил подпрапорщик.

– Отставить! – рявкнул он и так посмотрел на обоих, что они поспешно вытянулись во фронт.

Воцарилась тишина. Только поскрипывали сапоги самого подпрапорщика, пока он прохаживался, проверяя выправку новобранцев. В общем-то, ребята подобрались крепкие, здоровые. Оно и видно – крестьянские дети, привыкшие к любой погоде, ведь на селе трудятся и в зной, и в холод – трудится вся семья, и даже детям не делают скидку на возраст, а находят работу по силам.

Подпрапорщик, носивший фамилию Остапенко, незаметно вздохнул, припомнив детство, батькин хутор на Полтавщине, сено в бесконечных валках, стрижку овец и работу на пасеке, это он любил больше всего.

– Да, бачу я, далекогато вам, хлопцы, до настоящей военной выправки. Ничего, поучитесь трохи, стрелять научитесь, и на фронт, – рассуждал Остапенко.

В эту минуту он ничем не напоминал строгого командира, способного наказывать и миловать, а был похож на селянина, на которого по ошибке напялили военную одежду.

– Мы на фронт не успеем, война, гляди, кончится, – встрял в разговор Сашка Бочаров. – На нашу долю не достанется боев.

– Выучат, и домой отправят. А дома с кем воевать, если пока неженаты? – подхватил Гриша Амелин.

Все загоготали, и подпрапорщик снова прикрикнул:
– Разговорчики в строю! А ну все замолчали!

Все притихли, и Остапенко приказал выйти на площадку строем по двое.

– Боев для них не хватит, – проворчал он. – Были б солдатики и пушки, а бои найдутся.

Он глубоко вздохнул.

Когда это началось? Неужели с выстрелом Гаврилы Принципа? Неужели это он, девятнадцатилетний мальчишка, боснийский серб, входивший в организацию «Млада Босна», сверг Европу в кровавую мясорубку? Пресловутая организация, провозгласившая своей целью борьбу за объединение всех южных славян в единое государство – Великую Сербию, была создана по образцу ближних соседей – итальянцев, где много лет действовала в подполье революционная «Молодая Италия».

А, может быть, раньше, когда лоскутная империя, дряхлеющая Австро - Венгрия, аннексировала Боснию и Герцеговину в 1908 году, спровоцировав так называемый Боснийский кризис и вызвав шквал недовольства в славянском мире? Нетрудно догадаться, что империя стремилась к величию, а земли Боснии и Герцеговины были что-то вроде новеньких орденов на потертом мундире.

Величие, опять величие...

А Германия разве не болела манией величия? Гегемония

в Европе – вещь хорошая, однако за нее еще нужно побороться, и бороться на равных. Но в короткое время соседи указали немцам их место: опоздавшему – кости. Мир уже поделен, заморские рынки заняты, и пусть Германия утрется.

Возможно, простые немцы и утерлись бы, но молодой германский капитал так не считал: раздались голоса о нехватке жизненного пространства, а наиболее горячие головы уже рассуждали о возможном дефиците продовольствия.

Цветущие поля Франции служили приманкой: сумели же вернуть Эльзас и Лотарингию, так почему бы не позаимствовать и остальное? Придется поставить на место и Англию, и никакие союзы, никакие Антанты им не помогут. Надо только найти предлог для блицкрига, и великая Германия поглотит и Францию, и кукольные страны типа Бельгии и Люксембурга, а потом...

От дальнейших мыслей о вероятном развитии событий кружились головы, и немцы всерьез начинали верить в свою исключительность и величие.

Величие, величие, опять величие...

А как же Россия, великая по территории и количеству населения? Европа казалась прихожей, примыкающей к огромному залу российской Евразии – так нужно ли громадной стране доказывать свое величие европейским карликам?

Ох, не к добру самая большая на карте страна возжелала Константинополь. И Босфор. И Дарданеллы. А почему бы не оттяпать у слабеющей Османской империи? И тоже кру-

жились головы от возможности перспектив. А победы в войне прибавят еще величия, потом еще...

Казалось, войну 1914 года вызвала повальная эпидемия величия в Европе.

Патриотический подъем, царивший в России в 1914 году, сменился унылым ожиданием худшего. Так, позабыв о летнем тепле, в осенние холода ожидают морозов. Вопреки прогнозам, война затянулась. Сказалось то, что страна вступила в нее, не успев закончить перевооружение – как обычно, понадеялись на русский авось. А головокружение от возможности войти победителями в Константинополь прекратилось после первых похоронок.

Отгорел август, потянулась сырая ненастная осень. Петр Силин и его земляки сражались в Галиции на Львовском направлении.

Всего две недели прошло после призыва, а они уже считались обстрелянными. После взятия Львова и Галича их разделили: Петр Силин, как закончивший первый курс Университета путей сообщения был оставлен при штабе.

– Будешь вестовым нашего пехотного полка, – радостно сообщил приказ подпрапорщик Остапенко. – Офицеры шукали самого грамотного хлопчика, то бишь солдатика, вот я и указал на тебя, Петро. Мне гутарили, что ты книжки читаешь, вот я и...

Он замолчал, предвкушая благодарность, но Петр покачал головой.

– Мне бы остаться с земляками, – начал он, однако Остапенко перебил его.

– Как стоишь перед начальством, рядовой Силин? На гауптвахту захотел? – рывкнул он и тут же, понизив голос, добавил, – тут армия, Петя – ты свои «хочу -не хочу» дома оставь. Дисциплина, понимать надо. Собирай хабар, поедем в штаб – там теперь служить будешь.

Петр повиновался, и вскоре они с Остапенко уже ехали в телеге в село возле Золочева, где находился штаб пехотного полка. Подпрапорщик торопился и торопил Петра, поэтому он не успел попрощаться с ребятами

– Будут думать и гадать, куда я делся, еще родителям напишут, – проворчал он, но Остапенко, правивший конем, не обратил на его ворчание никакого внимания.

– Ты глянь, красота-то какая! – сказал он, кивая в сторону видневшихся вдали гор.

Петр невольно залюбовался и широколиственным лесом, уже наполовину желтым; и квадратиками полей, и громадой замка на возвышении, и раскинувшимся на берегу реки селом.

– В наших краях в сентябре уже прохладно. – заметил он. – А тут даже ночью тепло.

– Ночью тепло, ежели маешь, с кем греться, – хохотнул подпрапорщик – Но тебе, Петро, надо не о том думать. Интересно, к кому тебя прикрепят – ежели к Аристарху, то пи-

ши пропало, нудный мужик, дюже требовательный. А ежели к Карлуше, то повезло.

– Что за Карлуша? – рассеянно спросил Петр.

Остапенко, не выпуская вожжи из рук, кашлянул:

– Ох ты, восходи, лихоманка затесалась. Карлуша -то?

Иван Карлыч его зовут. Добрый мужик, хоть и немец.

– Немец? – насторожился его собеседник.

– Да, из прибалтийских. Да ты не журыся, сказано -добрый мужик. Бергер его фамилия. Вона Аристарх – русак полный, вроде и манеры, и воспитание дворянское, а ежели попростому: мягко стелет, жестко спать. Ни с одним денщиком не может ужиться, все на фронт просятя. Доводит их придирками. Может и тебя...

– Ну, это мы еще посмотрим, – сказал про себя Петр.

Глава 25

Галиция 1915 год. Весна.

Иван Карлович Бергер умывался под рукомойником в хате, куда его определили на постой. Рядом стояла хозяйка хаты, дородная молодуха в очипке и теплой кофте. Она держала в руках чистый рушник с вышитыми петушками. Старуха – свекровь топила печь, а красивая золовка накрывала на стол, не забывая стрелять глазками в сторону симпатичного офицера.

Недавно принесли донесение от агента, оставшегося на той стороне, оккупированной наступающими германцами. Агент был заброшен в австрийский Лемберг, позднее переименованный во Львов, сразу после вступления России в войну. Агент, имевший кличку Лесовик, передал номера частей, базировавшихся на дороге, ведущей в Ровно.

Выполняя задание штаба, Лесовик побывал в Черновцах – город, ныне находящийся в руках Австро – Венгрии. В донесении он подробно описал состояние дел в городе, не забыв коснуться настроения, царившего у местного населения, финансов и тому подобное.

Иногда Бергер пытался представить себе пресловутого Лесовика – кем он должен быть, чтобы влиться в многонациональное население Лемберга и Буковины? Из истории было

видно, что город переходил из рук в руки, поэтому на его улицах царило смешенье языков. Официальным считался немецкий, и все делопроизводство проводилось на языке бюргеров. На базаре, в магазинах и кустарных мастерских говорили на смеси русского, польского и украинского, куда иногда примешивался колоритный идиш. Самое интересное, что обыватели понимали друг друга, и порой на польское «цо пан хце?», отвечали на идиш «каше мит кнейдл и большая кишкес».

Запахло кашей, и Бергер заторопился. Он вытер лицо и руки и вернул полотенце хозяйке, а сам сел за стол.

Вошел Петр Силин, новый вестовой, с бумагами в прозрачной папке. Он замер у входа и обратился громким голосом:

– Ваше благородие, Вас срочно требуют в штаб. Вас и капитана Беркутова.

Ах, Петя, хороший ты парень, старательный, но аппетит ты мне испортил. Ну что могло случиться, что надо все бросать и бежать в штаб.

– Неужели приехали с проверкой? – предположил Бергер.

– Никак нет, – отчеканил Петр. – Лазутчика поймали с той стороны.

– Иду, – вскочил офицер.

Появление лазутчика означало одно: противник планирует наступление на этом участке. Что ж, надо подготовиться.

Офицер надел шинель и двинулся вслед за Петром. Штаб

находился в доме деревенского священника, вернее в сарае, где хранился церковный инвентарь. Кабинет, отданный полковнику, представлял собой кладовую, где хранились свечи и канистры с лампадным маслом. Теперь там не было ни того, ни другого – все припасы либо пошли на нужды штаба, либо хранились в ящике в подвале. И все-таки неуловимый запах ладана никак не хотел выветриваться.

В кабинете их уже поджидал Аристарх. Он поздоровался с Бергером, а на Петра едва взглянул. Полковник попеременно смотрел то на одного, то на другого, пока офицеры рассаживались вокруг стола. Петр присел на скамейку возле порога.

– Приведите задержанного, – приказал полковник. – И переводчика.

Его адъютант принялся вводить в курс дела:

– В непосредственной близости от нашего штаба был задержан якобы богомолец. Он ходил и высматривал все вокруг. На него обратили внимание, попросили документы, он предъявил подлинные. Однако закралось подозрение: ногти у бродяги-богомольца были чистые, аккуратно подстриженные. После задержания его конвоировали для допроса, но ему удалось отвлечь конвоира и бежать. При попытке к бегству вынужденно ликвидирован. Это произошло за околицей, и там же наши силы обстрелял немецкий десант. С нашей стороны без потерь, а у них один раненый, которого захватили с оружием на месте перестрелки.

– Так введите его, – потребовал Аристарх. Бергер кивнул.

Вскоре привели пленного – молодого солдата, худого и высокого, похожего на подростка. Его волосы и ресницы были нежно – персикового цвета, как у персидского кота, левая рука на перевязи. Он испуганно озирался и хлюпал носом. Офицеры смотрели на него, как на диковинное животное. Чувствуя всеобщее отторжение, парень совсем смешался и опустил голову.

– Фамилия, имя? – мягко спросил Иван Карлович: в его устах грубая немецкая речь звучала спокойно – интеллигентно, словно малороссийская мова.

– Мои? – переспросил пленный.

– Естественно, – добавил Беркутов.

– Фридрих Парше, – еле слышно пробормотал немец.

Беркутов вел протокол: он уже сделал первую запись – ответ на вопрос.

– Откуда? – продолжал Бергер.

– Из Вупперталя, – отчеканил пленный более уверенно.

– Возраст?

– Девятнадцать.

– Профессия?

– Нет профессии, помогал отцу в магазине – у нас магазин лаков и красок.

– А теперь расскажи, кого это вы здесь караулили на окраине села? Кто этот человек, одетый в нищенские одежды? Говори.

– Я не знаю, – перепугался Фриц. – Я ничего не знаю.
Он не успел ответить, как в комнату влетел дежурный.

– Вашбродь, – прохрипел он. – Проверка из штаба из штаба командующего.

Услыхав об этом, полковник вскочил, словно грозный командующий уже стоял перед ним. Вслед за ним поднялись Бергер и Беркутов. Все трое, чеканя шаг, вышли за дверь. Оставшиеся без офицеров денщики растерянно переглянулись, а пленный оживился.

– Что делать будем? – спросил Степан, денщик Беркутова. – Куды этого красавца?

Слово «красавца» он произнес с ударением на последнем слоге, и Петр невольно улыбнулся.

– А что, если я попробую? – осторожно промолвил Петр, глядя на Степана. – А ты веди протокол.

Степан смотрел на Силина во все глаза.

– Ты хочешь допросить?

– Хочу – не хочу, какая разница! А ты садись, пиши, вместо своего Аристарха.

Петр сосредоточился на допросе.

– Скажи, кого вы поджидали на краю села? Тебе что-нибудь известно?

Его немецкий, выученный в гимназии, был немного улучшен в университете, однако далек до совершенства, а фразы, предназначенные пленному, он скопировал у Бергера.

– «Пойму ли я его ответ? От этого зависит дальнейшее.

В крайнем случае, Степа запишет все точно.» – подумал он и кивнул дрожащему от страха Фрицу, словно поощряя его к ответу.

Фриц жалобно заскулил:

– Я простой солдат, мне неведомы планы начальства, герр офицер.

– Ну, до «герр офицера» мне еще очень далеко, но, возможно, ты слышал что-нибудь?

– Если не скажешь, то тогда erschissen – по законам военного времени, – ляпнул по-русски Степан, оторвавшись от писанины.

Фриц не понял ничего, кроме слова «расстрелять». Он заплакал тихо и безнадежно. Рука на перевязи мешала ему вытереть слезы, и они стекали по щекам и подбородку и капали на порванный мундир.

Острая игла кольнула в сердце Петра – что же произошло? Почему неизвестно чьи амбиции вырвали его и этого немца, его ровесника, и привели сюда, в Галицию? Так ли нужны России Босфор и Дарданеллы, и только ли огромной территорией определяется величие страны? Виновен ли сербский фанатик, кстати, тоже ровесник, что Петра выдернули с учебы в столице, а этого Фрица из далекого Вупперталя, где он спокойно унаследовал бы отцовский магазин и продолжал торговать колбасами и ветчиной? Или чем там, лаками и красками, что ли?

– Я человек маленький, мне знать не положено, – произ-

нес, наконец, Фриц. – Но я слышал разговор, что есть среди ваших один, он все передает нашим. Правда это или ложь, я не знаю.

Фриц снова залился слезами, а Петр потрясенно сказал Степану:

– Степа, пиши и по-немецки, я продиктую, и перевод. Не пропусти ни одного слова – это очень важно.

Глава 26

После этого случая, когда вестовому Петру Силину удалось разговорить пленного, вдруг вспомнили о его гимназическом образовании и первом курсе университета. Он, несмотря на протесты, высказанные Бергеру наедине, был оставлен при штабе окончательно и бесповоротно.

Бергер пояснил:

– В армии все умеют держать винтовку, а грамотных мало. А знающих немецкий язык из простых солдат вообще единицы. И вообще, Петр, оставьте Ваши мысли о геройстве: Вы же неглупый человек, да и пороху понюхали. На войне надо побеждать не только храбростью, но и хитростью. Это уже доказала жизнь. Кстати, Ваш немецкий довольно примитивен. Я не хочу Вас обидеть, но неужели у инженеров – путейцев обучение поставлено из рук вон плохо? Короче говоря, с сегодняшнего дня Вы будете присутствовать на допросах пленных, писать протоколы и... набирайтесь словарного запаса, учитесь.

– А Вы? – осторожно спросил Петр. – Не могли бы, когда мы наедине, говорить со мной на немецком, ведь я – Ваш денщик?

Бергер посмотрел затравленно.

– Я из прибалтийских немцев, и «немец» здесь ключевое слово. Мне не слишком доверяют, дорогой мой Петр, не до-

веряют из-за моего происхождения, и это будет продолжаться. Какую бы оплошность ни совершил капитан Беркутов, его пожурят, и только, а я постоянно на подозрении, словно насекомое под увеличительным стеклом. Именно по этой причине я не говорю в обычной жизни на родном языке, чтобы не вызвать еще большей неприязни.

Петр промолчал. Патриотический угар прошлого года постепенно стал сходить на нет, и виной тому стали неудачи на фронте. И тогда настало время найти виновных. Ни общая безалаберность, ни бездарность генералов не ставились во главу угла. Проще всего оказалось найти чужаков и обвинить их, и первыми на роль предателей предстали российские немцы.

И никто не принял во внимание то, что Россия для многих из них стала по-настоящему родной: здесь родились дети, здесь покоились предки, здесь было удобно и комфортно. Им, ни разу в жизни не видевшим Рейн и Эльбу, было хорошо на Волге. И, если оставить в стороне поэтические фразы о «дыме отечества» или отеческих гробах, а посмотреть с прагматической точки зрения, то российским немцам, булочникам и колбасникам, врачам и профессорам, было что терять во время войны.

Больше Петр в разговоре с Бергером не затрагивал эту тему, а совершенствовал язык, присутствуя при допросах пленных.

В сентябре шли упорные бои за Литву. После взятия немцами Гродно и Брест -Литовска открылась дорога на Вильно и Минск. Полк, где служил Петр, после нескольких проигранных сражений отступил к Друскининкаю. Войска, довольно потрепанные, остановились лагерем в поместье Липиньско.

Петр обрадовался передышке: с огорода поднимался сладкий дым – топили баню для солдат. Кашевар уже установил походную кухню во дворе перед барским домом, хотя дом – это мягко сказано. Родовое гнездо помещиков Златницких представляло собой палатцу – трехэтажное здание, к которому примыкали два крыла. Во дворе располагались хозяйственные постройки и флигель для прислуги. Владельцы поместья покинули его с началом военных действий и возвращаться в ближайшее время не собирались.

Сентябрь выдался теплым, словно и не уходило лето. Еще не тронула желтизна пышные кроны деревьев в парке, а на клумбе цвели георгины и флоксы.

Петр вымылся в бане и уселся на скамейке возле дома, чтобы написать письмо домой. Письма получались короткие – жив, здоров, кормят хорошо. Не станет же он расстраивать родителей и рассказывать о боях и опасных вылазках. К тому же военная цензура не пропустит. Лучше он поведает обо всем при встрече – дадут же ему отпуск когда-нибудь!

– Петя! Силин! Где ты? – услышал он крик – это кричал Степан, денщик Беркутова.

– Я здесь! – отозвался он.

Степа подошел так быстро, словно был обут не в сапоги, а в крылатые сандалии. Он даже запыхался по дороге.

– Что за спешка, старик? – спросил Петр, не поднимая головы.

– Господин полковник срочно требуют, – отбарабанил Степан.

Петр, досадуя на то, что ему помешали закончить письмо, сложил бумагу вдвое и спрятал в карман.

– Идем, – сказал он Степану.

И они оба двинулись в штаб.

Штаб располагался во флигеле возле барских конюшен. Полковник занимал несколько комнат, и сейчас принял Петра в наспех оборудованном кабинете. Адъютант стоял за его спиной и сиял, как медный грош. Впрочем, полковник тоже показывал признаки хорошего настроения.

– Ну вот что, рядовой Силин, немецкий свой Вы подтянули; по словам сослуживцев, храбрости Вам не занимать, поэтому даю Вам чрезвычайно важное задание, и от его выполнения многое зависит, – полковник сразу же приступил к делу. – Вам известно, что в последнем бою были захвачены в плен трое немецких офицеров?

– Так точно, известно, – отчеканил Петр. – Я же сам их допрашивал, вернее, вел записи.

– А известно ли Вам, что среди них находится полковник?

– Никак нет.

Петр выглядел удивленным.

– Герр Оберст Мюллер. Оберст по-немецки, полковник.

Щеки Петра залила краска: он был уверен, что Оберст – это фамилия.

Полковник обернулся к адъютанту:

– Подготовьте письмо на немецком языке – предложения по обмену пленными: немецкого полковника на троих наших лазутчиков. А рядовой Силин отвезет письмо в их штаб.

– Я? К немцам? – растерялся Петр. – да они меня тут же в плен возьмут.

– Разговорчики! – прикрикнул полковник. – Поедете и все тут. С белым флагом не возьмут. Возьмете на конюшне лошадь Майку, и чтоб до вечера обернулись.

Полковник строго посмотрел на Петра, а адъютант – еще строже, и Петр вытянулся во фронт.

Глава 27

Дорога лежала через густой смешанный лес, изобилующий дубами. Осень уже выплеснула все оттенки красок на кроны деревьев, и золото дубовых и березовых листьев смешалось с царственным пурпуром кленов. Здесь и там в траве проглядывали шляпки последних грибов, а спелые ягоды калины уже наполнились красным горьковатым соком.

Петр засунул пакет в голенище сапога, взял с собой паек на дорогу и выехал, погоняя Майку. Кобыла же, застоявшаяся в последнее время в конюшне, бежала резво, опьяненная утренним свежим воздухом, покачивая в седле седока, и Петра вскоре укачало. Сначала он пытался бороться с сонливостью, а потом глаза как-то сами собой закрылись, и он задремал.

Майка все бежала и бежала мимо кустов и деревьев, голова Петра клонила все ниже и ниже. Реальность смешалась с дремой, и он уже не осознавал, что находится в Литве, что идет война, а ему предстоит встреча с противником. Ольха и орешник казались ему знакомыми, как будто в роще возле села Глебова, и себя он видел в окрестностях Боровиц.

Он очнулся внезапно оттого, что Майка захрипела и замедлила шаг. Петр огляделся, но ничего подозрительного не увидел. Лошадь же явно насторожилась и, не желая про-

двигаться вперед, тихонько заржала. Каково же было удивление Петра, когда в ответ на ее ржание послышалось точно такое же впереди.

Майка покосилась на всадника, словно спрашивая, едем или нет, ведь впереди кто-то есть, и судя по голосу, это жеребец. Петр и сам понимал, что навстречу им с Майкой едет неизвестный, но в отличие от молодой лошади его не волновало, жеребец это или нет – он думал об одном: как бы не нарваться на немцев.

Он пришпорил кобылу, и Майка двинулась вперед, всем своим видом показывая недовольство: она неохотно переставляла ноги и старалась задержаться у каждого попавшего навстречу куста ракиты, покусывая узкие зеленые листья.

Петру пришло в голову, что ему просто послышалось ржание впереди, а на самом деле никакой опасности нет, и можно спокойно продолжать путь, но в это время застрекотала сорока, и все сомнения отпали. Ему не один раз приходилось бывать в лесу: для деревенского мальчика лес становится вторым домом, и маленькие дети, которые ходят вместе со взрослыми за грибами и ягодами учатся различать съедобные и несъедобные дары леса раньше, чем азбуку в церковноприходской школе. Они умеют определять направление по мхам и лишайникам на стволах деревьев, ну а о приближении чужого подскажет сорока.

Дорога свернула вправо, и из-за поворота послышался конский топот: неизвестный приближался.

Придержав Майку, Петр затаился возле кустов. Тот, кто двигался ему навстречу, тоже затаился, однако его конь не был согласен с таким положением вещей: жеребец спешил вперед – ему не терпелось увидеть неизвестную гривастую красотку.

– Verdammt! – услышал Петр и похолодел – так и есть! немец.

А у него нет оружия: вестовым, едущим с белым флагом оружие не положено. Вооруженному противнику, наверное, будет наплевать и на белый флаг, и на законы ведения войны – выстрелит, и все! Это так, но дороги назад нет, поэтому надо выпутываться любым способом.

– Руки вверх! – крикнул Петр невидимому недругу.

– Эй ты, Иван, прочь с дороги! Ich werde schissen! – слышался голос из-за кустов.

– Эй ты, Фриц, сам иди к чертям собачьим! Наша дорога! – не уступал Петр.

– Была ваша, будет наша. Тебе, Иван, не воевать, а коров пасти.

– А тебе только пиво дуть и колбасой закусывать.

– А тебе водку с селедкой.

В этот момент жеребец снова заржал, и Майка, покрутив гривой ответила почти неслышно.

– Но, но, – раздалось с двух сторон: это наши всадники сдерживали лошадей, внезапно обнаруживших острое жел-

ние познакомиться.

– Ну что ж ты не стреляешь? Выйди, погляжу на тебя, – крикнул Петр.

Он лишь сейчас осознал, что они разговаривают на двух языках и прекрасно понимают друг друга. Петр выдавал немецкие фразы, а неизвестный говорил по-русски с французским прононсом, словно его мучил насморк.

– А ты почему не стреляешь? – насторожился противник.

– Нечем, – Петр развел руками, словно тот мог его видеть. – У меня белый флаг, а парламентарам оружие не положено.

Из-за кустов послышался смех.

– Ты не врешь? Вот так номер – я тоже с белым флагом, и у меня тоже нет оружия!

– Так что ж ты... – рассердился Петр – Брось прятаться, выходи, познакомимся.

Десять метров, разделявших обе договаривающиеся стороны, они преодолели с оглядкой и опаской, но обнаружив белые флаги, глубоко вздохнули. Немец был высокого роста, и возвышался над Петром – худой блондин с такими прозрачными глазами, что они казались наполненными родниковой водой.

– Вот черт, – засмеялся Петр, – а я- то думал, что так не бывает. Два парламентаря встретились на середине пути. У тебя что? Пакет?

Немец молча достал из голенища мятый конверт. Петр,

глядя на него, достал из своего сапога точно такой же конверт. И снова раздался хохот, испугавший сороку.

– Ну, если ты сейчас скажешь, что это насчет того, чтобы поменять Вашего полковника на наших лазутчиков...

– Именно. – перебил немец. – Нашего Герр Оберст Мюллер.

– Я недавно только выучил это слово – Оберст. Я думал, фамилия.

– А я недавно выучил по-русски «полковник».

Они привязали лошадей, которые сразу же принялись щипать траву.

– Может, и мы перекусим? – предложил Петр.

– Да и правда, торопиться некуда. Пусть кони попасутся вместе.

Немец достал из вещмешка хлеб и колбасу, а Петр, усевшийся рядом, вытащил шмат сала и сухари.

– Вот это да! – воскликнул Петр. – Вам колбасу дают?

– А вам свинку?

– Надо говорить «сало».

У каждого с собой была фляжка с водой, затем Петр выложил сорванное по пути яблоко, а немец поискал в карманах и выудил кусковой сахар. Некоторое время ели молча, затем немец предложил:

– Может, мы просто обменяемся пакетами, Иван?

– Я не Иван. Думаю, что ты тоже не Фриц. Или все-таки Фридрих? – возразил Петр.

Немец встал и галантно расшаркался. Он был похож в этот момент на балаганного клоуна.

– Роберт Грейс к Вашим услугам.

Улыбка блуждала на его лице, и Петру показалось, что немчура смеется над ним.

– И что смешного? – пробормотал он. – Кстати, я Петр. Петр Силин.

Лица обоих солдат напоминали театральные маски: хмурю и веселую, но, кажется, веселость Роберта победила.

– Да ты что, Петер! Если мы поменяемся пакетами, то освободимся раньше.

– Нельзя, – вздохнул Петр. – Не знаю, как у вас, а у нас точно потребуют отчет.

Улыбка сползла с лица Роберта: он вспомнил, как строго его напутствовал герр лейтенант, и кивнул головой.

Глава 28

– «Симпатичный парень, – подумал Петр. – если бы нас не поставили друг против друга, то можно было бы с ним подружиться. Хотя как подружиться? Эта проклятая война не только всколыхнула Европу, но и весь мир. Будь по-другому, я бы учился и дальше в Петрограде, а этот Роберт жил бы в Германии, в далеком Майнце.»

Он возвращался тем же путем через лес, проведя целый день в немецком штабе в качестве парламентаря. Петра поразило сходство штаба противника с их штабом, и даже расположение комнат, и адъютант такой же важный и неприступный, похожий на российского коллегу.

Немцы согласились с предложением, которое привез Петр, и пока он перекусывал в одиночестве, сочиняли ответ. Обед был сытный – гороховый суп и колбаса с тушеной капустой. В конце принесли кофе – желудевый, немедленно вызвавший изжогу.

Петр хотел поговорить с кем-нибудь из присутствующих, чтобы потренироваться в немецком, но солдаты избегали его, словно прокаженного, хотя на их лицах явно читалось любопытство. Они крутились возле штаба, бросая взгляды на окно.

Он уехал через три часа. Майка наелась немецкого овса, поэтому едва плелась – ей не хотелось уходить из чистой ко-

нюшни, оставив торбу с вкусным угощением. Впрочем, перспектива встретить симпатичного жеребца заставила ее прибавить шагу.

Петр, погруженный в свои думы, не замечал Майкиных треволнений. В общем-то визит прошел неплохо, и никто его пальцем не тронул, но была какая-то мелочь, непонятная деталь, отмеченная его боковым зрением, которая вроде бы прошла мимо его внимания. Эта деталь не укладывалась в общую картину и волновала его воображение. Все это так, но вспомнить ее он не мог.

– «Что-то или кто-то промелькнул, выпадая из общего вида. – размышлял он. – Кажется, кто-то показался со спины...»

Он оглянулся по сторонам: то ли размышления, то ли поднявшийся ветер, то ли серые облака внезапно разбудили в нем такую сильную тревогу, что Петру невольно захотелось спрятаться.

– «Да полно, – он кивнул головой, словно стряхивая непрошенные мысли. – Я уже почти на своей земле – что здесь со мной может случиться? Когда ехал сюда, и сорока кричала, и я ожидал нападения врага, а это был Роберт Грайс. Кстати, как он там управился?»

Солнце почти не показывалось из-за туч, поэтому в роще было темно. Изредка на лицо падали яркие блики, перемежаясь с глубокими темными тенями., и казалось, что сумер-

ки уже на пороге.

Петр миновал полянку, на которой они с Робертом ели колбасу и сало. Вот и примятая трава – там паслись Майка со своим приятелем. А вот что-то белеет в траве, клочок бумаги или окурок?

Странно: ни он сам, ни новый знакомый Роберт не курили. Петр даже табак, который выдавали в солдатском пайке, менял на чай-сахар.

Он остановил разбежавшуюся Майку и вылез из седла. Подняв клочок бумажки и рассмотрев его со всех сторон, Петр обнаружил странные знаки, похожие на детские рисунки – так дети изображают елочки. Рядом надпись на немецком: Dorf Liepinksco.

Липиньско – поместье, где находился их штаб, а дальше план, какие-то стрелочки – непонятно! Было бы что скрывать – каждый, живущий в округе мог рассказать, где в имении баня или кухня, где конюшня, а где флигель для прислуги. Все это так, но здесь стрелки ведут к незаметной пристройке к левому крылу палатки, а в этой пристройке, насколько это было известно Петру, находились боеприпасы, и уж об этом посторонним знать не полагалось.

Вдруг его сознание пробуравила мысль о шпионаже, но кто? И кто знакомый оказался со спины в немецком штабе? Жаль, что Петр не рассмотрел его лица, а если бы рассмотрел? Выпустили бы его немцы живым? Наверяд ли...

Он еще надеялся, что бумажка упала из кармана Робер-

та Грайса, но тот и близко не подходил к этому месту. Так что же получается, кто-то из наших связан с немецкой разведкой и передает противнику сведения? Вот и эта бумажка – странная, подозрительная... Придется доложить полковнику.

Петр положил находку в карман и вернулся к Майке.

Он уже хотел сесть в седло, как вдруг раздался выстрел – острая боль обожгла его, и потерявший сознание Петр упал лицом в скользкие палые листья.

Тьма расходилась постепенно: сначала побелел потолок, потом стали прорисовываться своды арок – стрельчатые арки, виданные Петром в одном из католических соборов под Лембергом. Постепенно светлое пятно сосредоточилось в одном месте и оказалось незанавешенным окном.

Вскоре из появившейся какофонии стали рождаться знакомые звуки – голоса, шаги, скрип половиц и звон посуды. И только потом Петр ощутил боль. Впрочем, она была всегда, просто он именно сейчас осознал, что это состояние называется боль, и она беспокоит его с такой силой, что он не может лежать.

Петр застонал. Вдруг чьи-то руки погладили его по голове и смочили влажной салфеткой пересохшие губы. Он пытался увидеть того, кто был рядом с ним, но рассмотреть его так и не удалось – это был кто-то в белом с такими нежными теплыми ладонями, что, казалось, это не человек, а существо

не из плоти и крови, а из тумана или облаков.

– Ангел, – прошептал Петр.

Лицо ангела расплывалось среди нечетких плавающих контуров предметов – а, может быть, это у раненого закружилась голова?

– Мне больно, – пожаловался он.

– Сейчас придет доктор, – ответил ангел голосом Зои. –

А пока потерпи немного.

– Я сплю? Где я?

Петр не верил себе: откуда здесь Зоя? Если он на небесах, то значит и она...?

– В госпитале, в Дьяконовичах. Белоруссия.

– Почему я в госпитале? Я ничего не помню.

В голосе раненого послышалось отчаяние, и ангел снова коснулся его лица тонкими пальцами.

– Ты ранен, но все страшное уже позади.

– Позади? Я умер? И нашел тебя, Зоя?

Рука ангела дрогнула.

– Ты жив, Петя, жив. Тебя прооперировали, чтобы достать пулю. Тебе больно, это пока так и должно быть. Потерпи, любимый.

– Зоя, это правда ты?

Она не ответила: подошел доктор и стал осматривать раненого – слушать легкие, щупать живот. Ангел отошел в тень, а потом и вовсе исчез, когда доктор позвал санитаров,

чтобы перевезти Петра в перевязочную.

С тех пор он не встречал ангела, и с течением времени им овладело сомнение – а была ли Зоя? Может быть, она приснилась ему или явилась, как желанное видение, выплыв из подсознания? Он медленно шел на поправку, но мысли о Зое не оставляли его. Если бы удалось разыскать ее, он не стал бы напоминать ей о размолвке, а попросил бы прощения. Да. Да, именно так! Возможно, он огульно обвинил Зою, и дело обстояло совсем не так, как представила ему Фиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.